

Владлен Шинкарев

Река жизни

18+

Владлен Шинкарев

Река жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шинкарев В. П.

Река жизни / В. П. Шинкарев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Настоящие зарисовки из настоящей жизни, а география от Сибири до Кубани.
Интересный слог, юмор - с этим автором вы точно не заскучаете.

Содержание

Каникулы	5
1. Первый поцелуй	5
2. Сенокосная пора	9
3. Утро судьбоносное!	12
4. Импульсивность памяти	14
5. Ночь в горах	17
6. У костра	21
7. Утро Фомича	24
8. Чем отплачу за этот день	28
9. Банный день	31
10. Повороты судьбы	33
11. Ворошиловский стрелок	37
12. Первое сентября	39
13. Смерть Сталина	42
14. Письма из прошлого	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владлен Шинкарев

Река жизни

Каникулы

Повесть

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я-медь, звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любовь, – то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. (Коринфянам первое послание святого Апостола Павла. 13.)

1. Первый поцелуй

Как только я увидел её, сразу понял, что моя мама не стучала краски, когда после окончания седьмого класса обещала на всё лето отвезти меня на перевоспитание в станицу, подальше от города и друзей. Она действовала по принципу: для того чтоб услышать себя, нужны молчаливые дни и много работы!

В дороге мамаша то и дело твердила:

– В крестьянской семье ты не разгуляешься. А то из-за этой улицы совсем учёбу забросил, от рук отбил, по дому ничего не делаешь, даже к моему приходу с работы печь не растопишь, на вокзал за углём не сбегашь.

Отца у меня нет, и я как вольный ветер, то с ребятами в чужой сад заберусь, то на элеваторе из самопала стреляю голубей и воробушек, а летом полдня на реке пропадаю. Насколько себя помню, до седьмого класса ни одной книги не прочитал. Рос, как травинка в поле, без присмотра, пользуясь моментом, что мать весь день на работе.

Жили мы бедно, вот и гнал меня голод с коммуналки на улицу, там с ребятами, с такими же голодными сверстниками, весь день мотались по городу с думой, как и где кусок хлеба добыть.

Своими нотациями, порой сквозь слёзы, мать так меня достала, что я был готов ехать к чёрту на кулички. А ехать, оказалось, от Краснодара и не так далеко, всего то 80 км. Выйдешь, бывало, на берег Кубани в ясную погоду, и кажется, горы рядом, руки протяни, и ты их сейчас обнимешь. Однако до них пришлось чуть ли не весь день добираться с пересадками.

Там, среди Кавказских гор, родина моего отца. Живописная местность скрашивала тягости пыльной гористой дороги. И вот, мы стоим уже во дворе моей тётки Ксении Ивановны Мельниковой. И хотя она первый раз меня видит, однако нежно, по-матерински обнимает, приговаривая при этом:

– Какой худенький, бледненький, и росточком в отца не пошёл, от горшка два вершка. А сама плачет и ругает отца за то, что бросил нас и не помогает воспитывать меня.

Первые впечатления наиболее ярко подмечают характер человека. Я только посмотрел в глаза тётушки и утонул в добрых, голубых её глазах. Они сияли каким-то обворожительным светом, притягивая к себе взгляд и внимание. Мягкие вьющиеся чёрные волосы придавали лицу, чарующий соблазнительный облик. Правда, как потом окажется, за её внешним обворожительным видом, скрывался решительный и твёрдый характер: кого угодно за собой поведу! Высокий лоб и маленький курносый носик, задиристо говорил:

– Чё, трудно сладить! Не трогайте, а то будет плохо!

Моя мать, стоя перед тётушкой, готова была к её ногам припасть, вопросительно приговаривала:

– Где ещё бы я встретила такую доброту к себе?

– Ясным-ясно, тебе трудно одной воспитывать парня, помогу чем могу! Тётушка посмотрела на меня, в её взоре – я уловил искательную пристальность и надёжность.

Я для приличия целую тётушку, а сам пялю глаза на свою сестричку, стоящую поодаль, которую никогда не видел. Про себя думаю:

– Хороша чувиха, да ей все двадцать лет дашь, а мать говорила, что она всего на два года старше меня, вымахала на целую голову выше и груди больше, чем у моей мамы. Ну и что с того, что она круглая отличница, на золотую медаль тянет, а вид как у деревенской бабы: косынка на голове, ни к селу, ни к городу, на ногах тапочки из дерматина и белые носочки. Единственное достоинство – красивые длинные ножки, и то прикрыла их халатом до пяток. Я с каким-то пренебрежением подумал: «Деревня!»

Тётушка посмотрела в её сторону и говорит:

– Маринка, подойди поближе к нам, не стесняйся, познакомься со своим двоюродным братом.

Когда она оказалась рядом, и я заглянул осторожно в её глаза, понял сразу, она мой повелитель: такую послушаться невозможно. Выше неё только звёзды. В глазах светилась решительность и смелость. Взрослые ещё долго вспоминали счастливую жизнь нашей семьи, когда мы жили вместе с отцом. Тётушка то и дело повторяла, что парню нужен отец, мать только поддакивала, да слёзы вытирала носовым платком. В какой-то момент наступила пауза, и я слышу, как сестра говорит:

– Это надолго, пойдём коров встречать.

Она выкатила из сарая два велосипеда, и один из них подаёт мне:

– Бери велосипед моего брата, катайся на нём всё лето. Брат не скоро домой придёт, он в армии, на флоте служит.

– На халяву, ништяк!

Сестра глянула на меня и рассмеялась, а я как ни в чём не бывало:

– Кантоваться рад, хевра! – Что, что! – услышал я. – Перевожу безграмотным, – промолвил я небрежно, но с достоинством:

– Быть вместе за компанию рад!

Сестра посмотрела на меня с удивлением и только и успела проговорить:

– Ну ты даёшь!

Мы вышли за калитку, Маринка расстегнула нижнюю пуговицу халата, лихо оттолкнулась от земли и, перемахнув одной ногой через седло, понеслась по пыльной дороге. Как свет магния, осветило то, что произошло, это была моментальная фотография очаровательных стройных ножек, оставшиеся на память в моём мозгу на всю жизнь. Возбуждённый, я и запел:

– На Покровке клопочут лягушки в пруду,
От тебя в этот вечер к другой не уйду.

Сестра глянула на меня и говорит:

– Улица о себе даёт знать!

Под одобрительный её возглас я опять запел:

– Поредели годы, поредели,
Отобрали молодость мою.
Золотые кудри поседелели,
Знать, у края пропасти стою.

И здесь сестра укоризненно посмотрела на меня: на нас, мол, народ странно смотрит. Я и выдал:

– Хана! У тебя дрожат коленки, я тебя поставлю к стенке!

Я ещё не встречался с девочкой, но, как у большинства моих сверстников, уже появился интерес к другому полу. Нагота женщины меня уже мучила. Когда матери приходилось при мне переодеваться, я мучился как мужчина. А куда деться: в бараке не было ни душевой, ни общей ванны. В городскую баню не набегаешься, вот каждый в своей комнате, как мог, так и приспособлялся; здесь же купались, спали, уроки учили и здесь же за ширмой переодевались, не взирая на пол и возраст.

Вечером во дворе тётушки собралась вся родня отца. Из всех родственников я запомнил дядю Григория, который приехал по этому случаю аж с районного центра. Он чрезвычайно мне обрадовался, радость его доходила до восторга. Как будто я своим приездом одарил его счастьем, радостью на всю жизнь. После первых порывов радости он вдруг заявил:

– Собирайся, поедем ко мне. Детей у нас с женой нет. Будешь за сына!

Я испугался и, чтобы не обидеть дядю, пообещал через пару неделек приехать к нему в гости. Он закидывал меня расспросами, хотел немедленно обо всём знать. Потом, помню, он вдруг заговорил об отце, неизвестно по какому поводу: стал его ругать. Затем он бросил отца и заговорил о моей учёбе, сокрушаясь о том, что я отбил от рук матери. Отвечая на торопливые его расспросы, я сказал, что желал бы стать агрономом. Я тогда ещё не знал, что перед словом агроном он благоговел самым бескорыстным образом, так как сам работал в колхозе бригадиром полевой бригады. Наконец все гости сели за стол, а мы с Маринкой уединились в доме. И здесь неожиданно услышал:

– Подожди, не включай свет.

С этими словами я почувствовал нежное прикосновение её рук к моему лицу. Мы остановились. Она повернулась ко мне лицом, и, обняв мою шею, приблизила свои губы к моим губам так близко, что я почувствовал жаркое их дыхание.

Кончиком языка я скользнул по её дрожащим губам, не зная ещё настоящего мужского поцелуя. Мои губы задрожали. Она нежно прижалась ко мне, откинув голову, произнесла, как бы оправдываясь:

– Я ещё ни с кем не целовалась, да у меня и парня то нет! Как я рада, что вы приехали!

Не сознавая ещё, что со мной происходит, я вымолвил:

– Была бы шляпа, пальто из драпа!

Я обхватил её за талию, и в это время почувствовал горячий поцелуй. Дыхание моё так участилось, что я, запрокинув голову, стал стонать. Я почувствовал слабость во всём теле. Зрение обострилось до такой степени, что я увидел её закрытые глаза и вздрагивающие большие ресницы. Её прерывистое дыхание возбуждало моё ещё не окрепшее тело, что даже закружилась голова и я не выдержал, промолвил:

– Давай сядем, башню сносит!

Мы сели на диван, и здесь я услышал:

– Чего боишься?

– Просто страшно! Кто-нибудь может войти в дом, а мы целуемся, и придётся переводить стрелки.

Перевести тебе, или ты врубилась сама.

– В дом никто не заглянет. Все толкуются в летней кухне да во дворе. Не бойся, обними меня покрепче!

Я как-то стеснительно обнял её за плечи и в это время почувствовал, как её зубы прокусили мою нижнюю губу. Я вскрикнул: – Ой! На что она засмеялась и сказала, как-то мягко и нежно – Мамка не зря говорила, что ты настоящий хулиган.

Я не знал, что говорить, мне не хотелось простыми словами спугнуть сладость первого поцелуя. Я только и смог сказать:

– Ты Армянская королева! Клёвая чувиха!

Она рассмеялась. И здесь я неожиданно спросил:

– Кто тебя научил так целоваться? Я услышал откровенный ответ, который поверг меня в шок.

– Владлен, у меня парня нет. Ты первый, с кем я целуюсь. И далее продолжила, сладко дыша, говорить:

– Литературу надо читать, и не только ту, которую рекомендует школьная программа. Девушки развиваются быстро, у них рано появляется женское начало.

С этими словами она встала и включила свет. Взяв меня за руку, подвела к двум этажеркам, заполненным с верху до низу книгами.

Я увидел столько художественной литературы – глаза разбежались. Многие имена писателей я впервые услышал от своей сестры. Среди художественной литературы заметил много медицинской. Беря в руки книги, я сразу захотел узнать всё, что ей ведомо. По моему взгляду она уловила мой юношеский восторг и вместе с тем изумление, пояснив, что мечтает стать врачом. Протягивая мне, сборник рассказов и повестей Бунина, лукаво произнесла:

– А это прочитаем вместе. Брат с таким трудом достал эту книгу, цены ей нет!

Затем она начала читать стихи Ахматовой о неразделённой любви, стихи Есенина о природе. Я никак не мог понять, почему в городе эта литература была недоступна, а где-то в глухой станице её не только в доме имеют, но и читают. Тогда, когда в это время в школе мы только проходили Фадеева «Молодая Гвардия» и Островского «Как Закалялась Сталь», почему-то крепкие силы уже тайно читали Есенина, Ахматову, Цветаеву и даже Бунина. Мы засиделись допоздна и не заметили, когда замолчало радио и разъехались гости. Начинался новый этап в моей жизни. Я ещё не знал, что меня ждёт впереди, но почему-то надеялся на большие перемены в моей жизни.

2. Сенокосная пора

Утро блаженное. Я крепко сплю в комнате с открытым окном, в которое врывается запах ночной фиалки. Слышу сквозь сон, как кто-то упрямо меня будит. Открываю глаза, надо мною склонилась мамаша:

– Вставай, соня, солнце уже высоко, мне пора уезжать. Я отпросилась с работы всего на один день.

Потягиваясь в постели, спрашиваю:

– А где Маринка и тётушка?

– Они поехали траву косить за реку. С таким помощником на зиму без сена останешься.

Смотрю на часы, а время уже к обеду клонится. Мать ставит на стол сытную пищу, а сама приговаривает:

– Сынок, ты сюда не отдыхать приехал, а помогать! Видишь, какое огромное у них хозяйство, руки нужны мужские. Вместе с Маринкой утром вставай с постели, помогай, да слушайся её!

С этими словами, я и пошёл провожать мать на автостанцию. Мы шли по пыльной станичной улице, а мать одно и то же твердила:

– Помогай... Слушайся... Помогай... Слушайся...

Я кивал головой в знак согласия, а сам думал: лишь бы она по быстрее укатила. Надоела! Гонит волну!

Когда подошёл автобус, мать расплакалась, и начала меня целовать, как будто расстаемся навечно. Мне стало стыдно и неловко перед пассажирами. Я развернулся и быстро стал удаляться от автостанции. Автобус проехал медленно мимо меня, и я увидел заплаканное лицо матери и машущие, трепетные её руки. Дома меня ждали Маринка и тётушка. Они приехали на обеденную дойку. Справившись с домашними делами, мы все вместе отправились за речку косить траву. По настоянию тётушки с собой захватили еду и кринку молока. Перебрались через висячий мост, который Маринка раскачивала, когда мы его переходили. Тётушка испуганно ругалась:

– Ты что делаешь, коза!

При этом она охала, держась за металлические тросы. С горем пополам, мы перешли через реку. И здесь тётушка схватила полотенце и начала гоняться за Маринкой. Потом они вместе повалились на траву и начали смеяться. Слушая их непринуждённый смех, я забыл обо всём на свете: о своих двойках и тройках, о худобе, которой стеснялся и даже о своих городских друзьях, по которым ещё скучал.

Маринка взяла в руки косу и, глядя на меня, спросила, косил ли я когда-нибудь. И получив отрицательный ответ, позвала меня подойти к ней поближе. Я стал сзади неё, как она велела. С размашистыми движениями косы я услышал её пение и увидел ровные ряды скошенной травы, почувствовал свежий её запах и пьянящее движение всего тела сестры. Коса в её руках так двигалась легко, что мне показалось на мгновение, что я смогу так тоже косить без труда и напряжения.

Когда же сестра передала косу мне, при первом же взмахе коса сразу зарылась в землю. Сестра ещё раз показала, где должна находится пятка косы и как правильно делать замах рук, чтобы тело не уставало быстро. Но у меня ничего не получалось. Тогда сестра обняла сзади меня, взяла мои запястья в свои ладони и повела косой легко и непринуждённо. С каждым нашим взмахом косой моя голова откидывалась то влево, то вправо. Мы прошли «маленько» – метров двадцать, и я услышал, как тётушка кричит издали:

– Не мучай парня. Пусть отдохнёт.

Сестра посмотрела на меня и стала подолом сарафана вытирать, мой потный лоб, ласково приговаривая:

– Вижу, устал! Пойди, попей холодного молока. А я мамку буду догонять.

Я кивнул одновременно головой и туловищем и медленно побрёл на край загона к сумкам. Достал из сумки крынку с молоком, прикрытую лопухом. Сняв лопух, я подул на молоко и поднёс крынку к губам. Сделав несколько глотков молока, я оторвался от крынки, чтобы перевести дыхание. Молоко было упоительно прохладным и сладким.

Прикладывая второй раз крынку к губам, я заметил, как из молока на меня смотрят чьи-то большие глаза. Я отпрянул, разжав руки, крынка упала на землю. Не разбившись, покати-лась по траве. Молоко разлилось. Среди молочной лужи и травы, я увидел лягушку. Я поднял крынку, в которой осталось молока как кот заплакал и пошёл к Маринке. Увидев меня с пустой кринкой, рассмеялась и прищутив глаза от солнца, произнесла:

– Лягушки испугался! Извини, что не предупредила.

Летом в поле, только так можно сохранить молоко свежим и холодным. Я растеряно посмотрел на сестру и промолвил:

– А я думал, она сама в крынку залезла. Чуть не отбросил коньки.

– Горе ты моё луковое, – промолвила Маринка, – принеси брусок, чтобы заострить литовку. Нам надо за лето накопить не менее двадцати копен. В три пары рук оно поскорей.

Картофель уродится, вам дадим несколько вёдер

– Уродится, куда она денется! Вон какая халява!

– Да какая она бесплатная, сколько в неё труда вложено!

От этого желания нам помочь я повеселел и побежал за бруском. Я бежал, а из-под ног вылетали птицы и кузнечики, разминая крылья, и вскрикивая от счастья, что им дано летать. В городе я таких птиц и не встречал. Едва я принёс брусок, как рядом с нами появилась тётушка. Подбадривая меня, попросила молока. Мы переглянулись с сестрой и начали смеяться. Она глянула на крынку и тоже в смех, понимая, что это моя оплошность: теперь и жажду не чем утолить! Правда, перед самым закатом солнца от реки подуло свежим ветром. Тетушка присела под солнышко на скошенную траву – ноги вытянула. Разувшись, она начала их растирать руками. И здесь я заметил вздутые вены от непосильного колхозного труда, да и от домашних забот. Тётушка хотя и зав. молочно-товарной фермы, но любой крестьянский труд ей по плечу, так как прошла путь от простой доярки до руководителя фермы.

– Ну, племянник, показывай, чему тебя научила сестра.

Я взял в руки косу и стал старательно ею размахивать, как учила сестра. Мне казалось, что я лихо и правильно веду косу. За своей спиной я услышал Маринкин голос:

– Хватит! Но тётушка кричала:

– Продолжай! Для первого раза хорошо!

Я остановился и посмотрел назад. Валки топорщились высоко, сквозь них торчала уцелевшая трава, прокосы были волнистыми, и не вся трава лежала в валках. И горькое неприятное чувство досады охватило меня. Смотрю, как тётка встала с травы и направляется ко мне. Хмурясь, она спрашивает, правда ли, что за мной нет никакого надзора, что я хожу попрошайничать на базар, что езжу на подножках трамвая, что мой дед по матери из-за меня нас выгоняет со двора своего дома и нам негде жить. Я испугался, как бы она не отправила меня в город.

– Враки! Лажа!

– Враки? Она знает, что я вру. Лицо её меняется, на глазах появляются слёзы. Она обнимает меня и целует, приговаривая:

– Мать приедет в конце августа, не узнает тебя, даю тебе слово! Я обрадовался и повеселел.

Уже в ясно-нежном вечере, когда жара спала, а солнце ещё не спряталось за гору, мы прячем косы в траву, берём велосипеды и по висячему мосту не спеша преодолеваем быструю реку У Маринки нет уже той прыти, усталость даёт о себе знать. Мы медленно катим велосипеды по извилистой дороге и мне кажется, ей не будет конца. Мы взбираемся на пригорок, и перед нами открывается во всей красе панорама станичной жизни: где-то шумит трактор, слышатся голоса пастухов и доярок, собирающихся на вечернюю дойку. Прежде чем сесть на велосипед, тётушка и говорит:

– С завтрашнего дня без меня справляйтесь по хозяйству. Я у председателя колхоза отпросилась всего на один день по случаю приезда племянника.

С этими словами она вскочила, как молодая, на велосипед и погнала по пыльной дороге в станицу. Мы какое-то время идём с сестрой вместе и молчим. Наверно, потому что когда в горах идёшь высоко и много видишь, не хочется говорить ни о чём, чтобы не спугнуть красоту житейскими заботами.

– Давай поторопимся, – услышал я голос сестры, и мы погнались навстречу стаду коров.

3. Утро судьбоносное!

Утро раннее. Я никогда в городе так рано не вставал с постели, а здесь только начало светать, я уже на ногах. Какой уже день от расстройства желудка из туалета не вылезаю. К жирной домашней пище желудок не привыкший бунтует не на шутку. Тётушка уже третий день заваривает чабрец и даёт пить вместо молока.

Тётушка на ферме, на утренней дойке. Маринка дрыхнет без задних ног на сеновале. Я чувствую, как она устала. За две недели накопили столько травы, и копна сложили, что даже тётушка нас похвалила.

Погода на редкость способствовала заготовке сена. На нашу радость ни разу дождь не выпал, хотя в этих местах он частый гость.

Я иду на хозяйственный двор, где находится сеновал. Взбираюсь тихо по лестнице на вершину стога. Как только моя голова оказалось на уровне логова моей сестры, я замер от увиденного. Сестра лежала на покрывале, распластав руки, в одних белых трусиках без лифчика. Скомканная простынь была у длинных и стройных ног. Передо мной предстала восхитительная красота женского тела, с золотисто соломенными волосами, рассыпающимися на высокую молодую грудь. Я задержался на лестнице, боясь пошевелиться, спугнуть неземную девичью красоту.

Я часто видел грудь своей матери, но у сестры она была иная, изящная и сочная, с маленькими сосками, которые выглядывали из-под волос, как гранатовые зёрна такие сочные и налитые.

И вдруг за спиной я слышу тихий голос тётушки:

– Насмотрелся!

Только я начал спускаться вниз, Маринка потянулась за простынёй и перевернулась на бок.

Смущённый, я спустился по лестнице на землю. Тётушка обняла меня нежно и повела в летнюю беседку пить чай, приговаривая при этом:

– Вот надо же, приболел некстати. Мне, знаешь, с некоторых пор кажется, что моя дочь тебе нравится. С моих губ вдруг неожиданно слетают нелепые слова:

– Гарна тёлка! Я сразу же получаю лёгкий хлопок по губам.

И усаживая меня на лавочку под беседкой, тётушка продолжила:

– Твоя безрадостная молодость, знаешь, меня очень волнует. Улица тебя захватила, она может тебя погубить. Ничем не увлекаешься, книг не читаешь, матери по дому не помогаешь, жаргон уличный. Ясно, с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Она качала головой, вытирая огрубевшими ладонями слёзы, которые скупно стекали по её загорелым щекам, указывая на то, что этих слёз она пролила немало, воспитывая одна своих детей. Мне стало её жалко. Я склонил голову и тихо произнёс:

– Я исправлюсь! Хана!

Я ещё не представлял, каких усилий это стоит, сколько раз придётся краснеть и терпеть упрёки!

Подымая голову, я неосознанно почувствовал, на меня смотрят удивительно нежные глаза сестры, меня охватило что-то, исходящее изнутри, не подвластное рассудку. Маринка села за стол напротив меня и, глядя мне в глаза, промолвила:

– Он исправится. Даёшь слово!

– Врубился!

До этого утра я всегда отдавал себе отчёт во всех своих чувствах и умел подчинить их тому, что находил разумным. Я его представлял в абсолютной свободе. Школьные правила

были для меня каторгой и не приемлемы для моей натуры. Но теперь, увидев глаза своей сестры, у меня появилось такое нетерпение, какое способно было всё перевернуть, всё одолеть.

Ни секунды, не сомневаясь в своей силе, появилось желание остаться с Маринкой наедине и болтать с ней до потери сознания о чём попало. Я боялся, чтобы она в глубине своей души меня не осуждала за легкомысленные слова, только что произнесённые. Она смотрит на меня внимательно и вдруг произносит то, чего я всего боялся:

– Не влюбился ли ты случайно? Посмотрев внимательно мне в глаза, вдруг произнесла фразу, смысл которой, я всю свою жизнь разгадывал: «Прежде чем любить, научись ходить по горящим углям, думая о чужой боли».

И не давая возможности опомниться, даже слово промолвить, вдруг заявляет:

– С сегодняшнего дня приступаем к учёбе, и никаких возражений, стрелки переводить не будем.

Я и не собирался возражать. Для меня стало важным не потерять её уважение и дружбу. Я боялся в её глазах оказаться бездарным и тупым учеником (деревом). Раньше я об этом как-то не задумывался, то сейчас все усилия бросил, чтобы побороть свою слабость и боязнь. Душевное смятение моё сестра заметила и вдруг неожиданно заявляет:

– Не трусь! Терпение и труд всё перетрут.

В этой фразе я уловил её желание мне помочь, и я захотел страстно оправдать её надежды, тем самым завоевать её доверие. Это была нелёгкая задача для меня. И я промолвил:

– Не debil, засёк!

Как только мы приступили к занятиям, я осознал, насколько мои знания ничтожны и насколько я отстаю от своих сверстников в своём развитии. Сидеть за книгами рядом с сестрой было тяжело и одновременно радостно на душе. Я ощущал её дыхание и скрытую твёрдую волю, которой мне так не хватало.

И потекли мои дни изнурительного умственного труда и сосредоточенности всех моих умственных ресурсов. Познавая школьную программу, я приводил сестру в неописуемый восторг и заразительный смех от моей беспомощности. Правда, каждый мой успех она одаривала поцелуем, что меня только подбадривало и побуждало дальше двигаться, не останавливаться на достигнутом. Уже к концу третьей недели я почувствовал интерес к математике и к чтению книг. Книги мы читали до самой глубокой ночи, лёжа рядом в постели, а потом, обнявшись, засыпали. Тётушка нас не ругала, что мы много палим керосина. Она только сокрушалась, что так можно потерять и зрение.

В труде и заботе быстро наступила середина лета. Маринка, понимая, что меня загрузила по полной программе, старалась иногда разнообразить мою жизнь. В один из тёплых дней предложила отправиться на ночь пасти лошадей вместе с конюхом. Я немедленно согласился и был вознаграждён очередным её доброжелательным вниманием.

4. Импульсивность памяти

Поздняя ночь. Маринка и я лежим рядом на диване в летней кухне, в её руках повесть Л. Н. Толстого «Холстомер».

Керосиновая лампа догорает и медленно тухнет.

– Завтра днём надо успеть дочитать, а вечером с Фомичом в ночь, пасти лошадей, – сказала сестра, вставая со скрипучего дивана.

– Куда? – спросил я растерянно.

– Спать на сеновал, а ты спи здесь!

– Можно с тобой? – промолвил я неуверенно.

– Ещё чего не хватало, чтобы мамка видела. Она и так на нас с тобой косо смотрит, следит в оба глаза. Ещё вздумает завтра с нами в ночь податься. От неё всё можно ожидать.

В эту ночь я не мог долго заснуть. Мои мысли были связаны с жизнью пегого мерина, я представлял, каким он был в молодости и каким стал на старость лет. Мне стало его жалко.

В памяти всплыли забеги лошадей на Краснодарском ипподроме, где в главной ложе всегда сидел отец. Он был любитель скачек, знал толк в лошадях. Как говорила часто моя мать, у него было три слабости: женщины, выпивка, лошади.

Я в лошадях плохо разбирался, даже можно сказать, их боялся, на ипподром ходил за компанию с друзьями, чтобы только повидать отца.

Наблюдая за отцом, невольно следил за бегом лошадей, когда они выходили на финишную прямую перед трибунами, их лёгкий полёт над землёй меня завораживал. Теперь, после прочтения этой повести я понял, почему такие быстроходные редкие махи ног при беге называются: «холсты мерить».

Засыпая под впечатлением повести, уже представлял завтрашний день: около реки большой луг, окружённый лесом, я и Маринка плывём по нему на лошадях, иногда с головой ныряем в сочные и пахучие травы.

Я знал, что лошадь может развивать большую скорость до 60 километров в час. Но при этом не понимал, почему при такой скорости, даже на длинных дистанциях, лошадь относительно мало затрачивает энергии? Как такое возможно? И только будучи студентом сельхозинститута, узнаю, что секрет кроется в строении ног, которые обеспечивают одновременно и быстроту, и силу. А сейчас не подозревая, что ждёт меня впереди, засыпал под первые крики петухов.

В таком возрасте утром сон сладкий и глубокий.

Просыпаюсь от того, что солнце через окно так прижгло лицо, что я невольно открыл глаза, глянул на часы и обомлел, вскакиваю с постели. Было около десяти часов, кругом тишина лишь только часы-ходики на стене отсчитывали неумолимо свой бег. Быстро оделся и на хозяйственный двор. Маринка, завидев меня, лишь улыбнулась, подняв голову от свиной кормушки, куда сыпала кукурузную дерть. Сразу вспомнил сладкий вкус кукурузной мамалыги, которую я часто употреблял вместо хлеба в послевоенные годы. Не чувствуя веса своего тела, бросился помогать Маринке, не понимая ещё, что все хозяйственные дела уже давно сделаны добротной и своевременно.

Я только сейчас осознал: не покорми животных вовремя, они подымут такой хай, что любой сон разгонят в миг.

У меня мелькнула мысль, сестра бережёт мой сон, считает меня маленьким и ещё не окрепшим пацаном. Это меня задело не на шутку за живое! Появилась мысль доказать, что я уже взрослый и за свои поступки готов отвечать.

Отведённые два часа занятий по математике быстро пролетели, впервые сестра меня похвалила за освоение нового задания. Я ждал с нетерпением, когда продолжим читать повесть

Толстого. Зная авантюрный характер сестры, я уже предвосхищал какой-то сюрприз. Когда мы дочитали повесть, Маринка достаёт с книжной полки рассказы Куприна, находит рассказ «Изумруд», и даёт мне его читать. Уже в начале рассказа читаю и не верю своим глазам: «посвящаю памяти несравненного пегого рысака «Холстомера». Читая с жадностью рассказ, я снова окупился в жизнь ипподрома, осознал нелёгкую жизнь Изумруда. Конец рассказа меня потряс до такой степени, что даже на глазах выступили слёзы. Маринка, увидев слёзы, промолвила:

– Я не думала, что ты такой сентиментальный! А вообще если в глазах не было слёз, то и в душе никогда не будет радуги.

Обняв меня, стала читать отрывок из рассказа, как бы успокаивая меня: «это была настоящая американская выездка, в которой всё сводится к тому, чтобы облегчить лошади дыхание и уменьшить сопротивление воздуха до последней степени, где устранены все ненужные для бега движения, непроизводительно расходующие силу, и где внешняя красота форм приносится в жертву лёгкости, сухости, долгому дыханию и энергии бега, превращая лошадь в живую безукоризненную машину».

Запах тела сестры, пропитанный разнотравьем, успокаивающе на меня подействовал, и мы пошли заниматься хозяйскими делами, я поить птицу и животных, а Маринка поехала на велосипеде доить корову.

В работе и заботе незаметно и подошёл долгожданный вечер, а с ним незабываемые впечатления на всю жизнь.

Как только солнце начало клониться к вечеру, от реки потянуло притягательной свежестью.

Раньше обычного на подводе вместе с конюхом Фомичом, прикатила тётушка, чтобы нас проводить в ночную – приготовить котомку еды и молока крынку. Оказывается, её заботы были лишние, как и лишние хлопоты Маринки.

Старший сын Фомича уже наловил целое ведро форели, нас собирается потчевать наваристой ухой. Табун колхозных лошадей уже переправили за реку на сочные травы, в которых я мог скрыться с головой.

А пока мы шумно садимся в подводу, к восторгу Маринки, тётушка выкатывает велосипед и мчится встречать корову с пастбища. Мы усаживаемся на пахучую траву, сзади подводы – на уровне моей груди натянута цепь, которая соединяет борта. Мы смеёмся, не обращаем никакого внимания, что вся пыль из-под колёс летит на нас. Маринка говорит, ничего страшного, искупаемся на реке, там я знаю заводь, где вода тёплая и не глубоко.

И здесь я вспоминаю, что плавки с собой не захватил, а Маринка успокаивающим голосом и говорит: они не нужны, будем купаться голяком! Последние её слова я воспринял как своё долгожданное желание: загадай своё желание от сердца, и ты услышишь ответ от сердца!

Возле реки конюх распряг лошадей и стал переводить их за реку, на другой берег. Мы с Маринкой по знакомому висячему мосту перебрались к тому месту, где уже спокойно пасся табун лошадей.

Невдалеке, на берегу реки, незнакомый мужчина разжигал костёр. Направляясь к этому месту, по пути стряхивая с себя пыль, заметили, как он, завидев нас, бросился навстречу, ещё издали приветствуя нас, радостно размахивая руками.

– Фёдор, – представился он. – Влад, – ответил я, стесняясь своего городского и редкого имени.

Маринка поприветствовав на ходу сына Фомича, не останавливаясь направилась к костру. На правах хозяйки стала сразу нами командовать, требуя, чтобы мы на ночь заготовили побольше дров, принесли воды. Сама начала готовить рыбу для ухи. И только убедившись, что работа выполнена, попросила Фёдора подвести лошадь по кличке Ветер. Стоило Фёдору окликнуть лошадь, как она, заржав, быстро подлетела к нам.

Маринка, поправив уздечку и седло, дала из рук какое-то лакомство, быстро и легко вскочила на лошадь верхом. Не успел я опомниться, как она понеслась по-над речкой.

– Вот озорная девчонка, – услышал я рядом голос Фомича, – такие нигде не пропадут. Втроём мы стали наблюдать, как она лихо управляла лошадью, грациозно восседая в седле. Фомич, то и дело восхищаясь её смелостью, приговаривая:

– Лошадь её слушается, знаешь почему? – Она чувствует наездника, его смелость и силу! Лошадь – умное животное!

И, обращаясь ко мне, говорит: «если ты будешь говорить с лошадью, она будет говорить с тобой, Вы узнаете быстрее друг друга. Если ты не будешь говорить с ней, то ты не знаешь её, а того, чего ты не знаешь, ты будешь бояться!»

Насколько оказался прав конюх, я узнал через несколько минут, когда Маринка передала уздечку в руки конюха:

– Ну, джигит, покажи теперь ты, на что способен!

Я от страха сразу же забыл всё, о чём говорил мне Фомич. Молча подошёл сбоку, подпрыгнул, чтобы лечь на седло, но попытка оказалась неудачной, и я свалился назад под общий хохот.

И только с помощью сестры и Фёдора я влез на седло, естественно, мои ноги до стремян не доставали, я ногами обхватил живот лошади и лёг на её холку.

Но седло мешало крепко прижаться к телу умного животного.

И в тот момент, когда Фомич пытался передать мне в руки уздечку, лошадь стала подпрыгивать, стараясь сбросить меня из седла, как нерадивого наездника. Я крепче ухватился за холку коня и стал с испуга шептать ласковые слова. Лошадь перестала брыкаться, ухом повела и медленно пошла рядом с Фомичом. Я ухватился двумя руками за седло, покачиваясь телом в такт шагам лошади. Какое-то время рядом с нами шёл конюх, и только убедившись, что лошадь спокойно приняла наездника, передал уздечку мне. Гордость распирала мою грудь. Я преодолел страх, но самое главное, в глазах сестры продемонстрировал свою смелость и решительность. Сколько я сделал ходок вдоль реки, не помню, но мысленно стал постигать смысл существования конного человека в недалёком прошлом. Кубанский казак без коня ничего не значил. На коне, и только на коне смотрелся казак воином, способным защитить Кубань, а с ней и всю Русь от набегов чужестранцев. Мне казалось, что лошадь подо мной чувствует человека, умеющего ценить её красоту. Ну и что под Маринкой лошадь летела, как пуля, не стуча копытами, зато подо мной отстукивала биение моего сердца. Не скрою, мне передалось от лошади её достоинство, с которым она слушалась меня.

Ах, юность, юность, как хочется быть любимым и любить без памяти. От этих мыслей я долго не замечал усталости, напряжения всех мышц тела и ног. Когда возле костра я слез неуклюже с лошади, на первых порах шага не мог сделать, ноги занемели и не слушались меня.

5. Ночь в горах

Как только солнце скрылось за горами, начало быстро вечереть. Фомич, отправив сына домой, стал готовить приправу для долгожданной ухи. Мы, же предупредив Фомича, пошли купаться, захватив с собой полотенце.

Мы идём не спеша, по-над речкой на высоком её берегу, рядом внизу под ногами шумит река и совсем рядом беспечно шелестит трава, сочная и высокая. Я не смело посматриваю на сестру, как бы предвкушая увидеть её голой и такой желанной. Я боюсь её привлекательности, стараясь не спугнуть её желаний искупаться голой – молчу, как воды в рот набрал. В её глазах, в которые я заглядываю изредка, встречаю тоже волнение и переживания. Я постоянно опускаю глаза для приличия, упиваюсь тишиной и пением кузнечиков. Мы уже не слышим, как потрескивает костёр, как лошади жуют траву, тихим шагом ступаем на висячий мост, который как старый друг принимает нас в свои объятия и помогает спокойно перебраться на пологий берег реки. Ступая осторожно по гальке направляемся в сторону станицы, где река свой бег замедляет и вода теплей.

Я не заметил, как быстро стемнело, только на высоком берегу, как маяк горел наш костёр, а вдаль на небе загорелась яркая Венера. Маринка взяла меня за руку и повела к высоким липам, которые я ещё приметил днём.

– Будем раздеваться по очереди, неожиданно услышал такой милый и долгожданный голос сестры. – Ты только отвернись! Когда я войду в воду, я тебе крикну: «Можно!» Купаться будем раздельно, недолго, а то Фомич будет волноваться.

Мы разжали руки, я отвернулся и стал чутко прислушиваться к разным шорохам, хотел уловить главный момент: снятие халата и удаляющийся шорох гальки, но из-за шума воды ничего не расслышал, лишь только:

– Уже можешь раздеваться!

Голос сестры, заглушаемый шумом воды, я всё-таки расслышал, но где-то вдаль. Я повернулся к реке, ища глазами сестру, вижу, она стоит по грудь в воде и машет мне рукой. Волосы её развиваются от чуткого ветра, который стелился по-над водой с чёрных гор. Мне стало не по себе, я даже испугался, представляя водяного и русалок в реке.

Слышу голос сестры:

– Чего тянешь, отойди несколько метров в сторону, чтобы тебя не было видно, и раздевайся, да поживей! Вода не очень тёплая, долго не выдержим!

Я отошёл метров пять от того места, где раздевалась сестра, быстро снял с себя одежду и стал медленно заходить в воду.

Холодная вода так сковала моё тело, у меня хватило смелости и сил зайти в воду только по пояс. Я стою в воде и пошевелиться не могу. Смотрю сестра, наклонившись и прикрывая грудь руками стала быстро приближаться ко мне. Сбросив руки с груди в бешеном темпе стала ими работать, обливая меня речной водой с головы до пояса. Набрав воздух в лёгкие, я нырнул с головой и стал приближаться к её ногам, пытаюсь их обхватить. Я уже не чувствовал, что вода холодная и дно скользкое! Куда делись страх и стеснения!

И в тот момент, когда мои руки коснулись её ног, и я стал ими перебирать так, чтобы добраться до заветной цели, как ощутил, что мою голову обхватили крепкие руки сестры и не дают мне сделать соблазнительное дело! Я пытаюсь вырваться из этих жёстких объятий, однако все усилия мои тщетны.

Запас воздуха иссяк, я хватаю ртом воду, чувствую, силы меня покидают, отталкиваюсь что есть силы руками и ногами от сестры. Вынырнув из воды, стал извергать воду фонтаном, откашливаясь, еле добираюсь до берега. В глазах пошли круги, и я потерял сознание. Пришёл в себя, как говорила сестра, быстро, напугав её до смерти. Слышу далёкий голос сестры:

– Ну и напугал ты меня!

Она держит мою голову на своих голых коленях, опрокинув её вниз. Какое-то время я ещё не сознавал: мы голые! И здесь, забыв о красоте женского тела и в каком положении мы находимся, я вскочил на ноги, как ошпаренный, и стал кричать:

– Дура, психопатка! Бешеная!

Сестра встаёт на ноги и как ни в чём не бывало говорит:

– Отвернись, бесстыжий! Дай одеться!

Она надевает трусики, потом халат, а я уставился глазами на неё и икать начал. То ли от испуга, то ли от нервных потрясений и холодной воды. Слышу:

– Будешь знать, как в чужой огород без спроса лазить!

– Ты что, не понимаешь, что меня чуть не утопила!

– Чуть не считается!

Ещё не понимая, что произошло, махнул рукой, развернулся и стал одеваться, судорожно откашливаясь и икая. Потом ничего не говоря, молча пошёл вдоль берега по направлению моста.

Я чувствую, что теряю волю над собой, становлюсь неуравновешенным и сердитым. Слышу, как под ногами шуршит галька, раздражая меня. Я сердито говорю: – Что плетёшься сзади, догоняй!

Она начинает быстро приближаться ко мне, берёт меня за плечи, потом за голову и крепко целует в губы, при этом приговаривает:

– Ну, прости меня, дуру!

Я обнимаю её крепко за талию прижимаясь к ещё мокрым грудям и чувствую, что закипаю животной страстью. Сестра это почувствовала и как-то ласково-повелительно:

– Пойдём, нас уже, наверно, заждались, уха стынет!

И в это время прогремели два выстрела и над рекой взлетела ракета, осветив округу.

– Вот видишь, Фомич сигналил. Он всегда берёт в ночь, когда пасёт лошадей, двустволку и ракетницу.

В каком-то полусумасшедшем состоянии мы дошли до середины моста и не сговариваясь остановились.

Из-за горы появился большой жёлтый круг луны. Я только сейчас заметил, как над рекой стал стелиться туман. Мне показалось, что плывём куда-то вверх против течения воды и тумана.

Обида моя нелепая стала исчезать, просветляя мой ум, затуманенный страстью и минутной слабостью. На душе стало гадко и омерзительно, смог ли я после этого честно смотреть в глаза тётушки.

Я ещё не сознавал, что она мечтает сохранить девичью честность и непорочность своей дочери. Она особенно важна в сельской местности, где на одном краю станицы чихнёшь, а на другом слышно.

В деревне, как нигде понимаешь, что ранняя физическая близость нарушает все нравственные устои крестьянства. Где семья не столько ячейка общества, сколько его фундамент.

Живя в сельской местности, где на природе девичий организм развивается быстрее мальчишеского, матери рано начинают бояться за девчат.

Пройдя все тяготы сельской жизни, родители знают, как никто, что требуется нашему брату – только красивое тело. Для этого безбожно готовы врать о высоких чувствах, говорить о возвышенной поэтической любви. Я вцепился в металлический трос и задумчиво проговорил:

– Маринка, если бы я упал с моста в реку, ты бы бросилась меня спасать?

Сестра посмотрела на меня с удивлением и говорит:

– Ты ещё и максималист! А ты сам как думаешь?

В это время висячий мост зашатался, на другом конце его появился велосипедист. При лунном свете отчётливо высветилась женская фигура, выплывающая из-под высоких крон лип.

– Маманя приехала, ни слова, что мы купались голяком!

– Заказано!

Мы бросились встречать непрощенного гостя, я же, не разделяя мнения сестры, обрадовался появлению ещё взрослого человека в нашей компании. Тётушка сразу полезла к нам с расспросами, что мы здесь делаем на реке в такое позднее время,

Идучи по мосту, требовательно продолжала:

– Ваше место около Фомича и ни шагу от него. В лесу в такое время любой зверь может появиться. Я, как только увидела сигнал ракеты, сразу догадалась, что Фомич вас или ищет, или кличет на ужин. На велосипед и к вам. Благодать, ночь такая лунная, что читать можно! Я, глядя на тётушку насмешливо молвил:

– Вы что, тётушка, хипеш нам устроили?

– Поговори ты у меня, совсем тётку не чтить. Словечки уличные, блатные, не читаешь ничего, ничего не любишь.

– Вы тётушка, какая-то сердитая сегодня.

– От чего не сердиться, намаешься весь день, а ночью от вас покоя нет, так дурно делается.

– Отчего же дурно, тётя? Мы взрослые, за нас беспокоиться не стоит!

– Не стоит, говоришь, беспокоиться? – переспросила тётушка и, взглянув на Маринку, добавила:

– А кто по ночам у костра не сидит, а шастает где попало. Ни шагу от Фомича! Сейчас, я ему задам перца, будет знать, как самовольничать. Я же ему наказывала – глаз с вас не спускать!

Тётушка, косясь на меня лукаво, в какой-то момент, когда я замешкался, ловит мою руку и ласково прижимает к себе:

– Горе ты моё луковое, растёшь без присмотра и ласки отцовской не знаешь. Вольность твоя и свобода к хорошему не доведут. И здесь она сгоряча добавляет:

– Мужики только умеют красиво разглагольствовать о любви. Возьмём твоего отца, хотя он мой и родной брат, но скажу честно: нет у него совести и честности. Каждой встречной женщине клянётся в любви. Вот тебе и верность, и порядочность.

– Мама, ну при чём здесь твой брат, когда в нашей станице куда ни глянь полно безотцовщины.

– Доченька, ты не путай разные вещи, последствия войны и безнравственное отношение к семье.

– Мама, ты не права, никто не имеет права упрекать и осуждать мужчину за то, что он живёт, как ему хочется и с кем ему нравится.

– А как же нравственные обязанности, – возмутилась тётушка.

– Мама, ваши нравственные нормы нам с братом боком вышли, и в первую очередь тебе, а могли жить припеваючи в полноценной семье. Сколько у тебя было ухажёров, всех отвергла из-за этой морали, мол, член правления колхоза, член партии, депутат районного совета, выходит, и полюбить не может!

– Так что же получается, любя человека, ты не признаёшь верности?

– Мама, в первую очередь между людьми должна возникнуть любовь, а потом взаимное доверие, а уважение в семье потом строится.

– Какая ты умная стала у меня, каких книжек начиталась, а вот окупёшься в эту жизнь и поймёшь, что есть совесть и уважение людей.

Уважением людей надо дорожить. Правда природы в нашей праведной жизни – по совести. Надо иногда включать и свой разум.

Тётушка передала велосипед Маринке и вдруг обхватив меня за плечи, поцеловала в щёку. Она не много помолчала, а потом страстно произнесла:

– Я считаю, у каждой женщины есть своё право – право над собой. Однако разнузданность и разврат осуждаю. «Нас сейчас и рассудит Фомич», – произнесла тётушка, не доходя несколько метров до костра,

– Фомич! – позвала тётушка, – разреши, пожалуйста, наш спор.

Фомич встал во весь рост возле костра, пламя осветило красное лицо конюха.

– Ты случайно не выпил? Смотри у меня! Почему за ребятами не следишь?

Фомич затаился папироской.

– Вы меня унижаете своей подозрительностью. Я за ними следил, видел: как они купались, как стояли на мосту. А как заметил ваш приезд – сразу успокоился.

– Вот молодец, а то я собралась тебя ругать! Маринка, подай сумку.

Тётушка достаёт из сумки бутылку самогона и кусок сала с зелёным луком. Мы усаживаемся вокруг костра на брёвна. Фомич в алюминиевые котелки наливает каждому горячей ухи. От её запаха побежала слюна. Он берёт бутылку самогона и прячет её подальше от глаз и в то же время спрашивает:

– Ну о чём спор?

– Об отношении мужчин к женщине, – промолвила тётушка, – хороши все мужчины, пока не наигрались с женщиной! Встретил молодую и с глаз долой, о детях забывают и о своём долге.

– Нет, с этим я согласиться не могу, заметил конюх. – Если бы женщины были добрее и могли прощать некоторые мелкие шалости мужчинам, так и несчастий бы столько не было, и разводов меньше.

– Да что это ты говоришь, Фомич, возразила тётушка, какая чушь несусветная. Это, наконец, смешно! Почему по вашей прихоти дети должны страдать!

6. У костра

Редко когда чья-то живая душа захочет нарушить покой природы, разговаривая громко с близкими людьми у костра возле реки. Притягательная сила огня и воды известна испокон веков, и каждый живущий на земле в той или иной степени ощущал её магическое воздействие на свою нервную систему. Когда смотришь на огонь и воду, душа если и говорит – то только не о себе, не о своих хлопотах, а о той природе, которая не только гармонично уживается с человеком, но и способна лечить его от нервных недугов и стрессов. Для утешения и успокоения своей души достаточно было мне сбежать с уроков на Кубань; развести костёр, сесть возле него и, стряхнув с себя груз ненужных забот и тревог, слушать только шум реки и треск костра.

После питательной ухи и крепкого чая из чабреца меня так разморило, что глаза стали слипаться, а слух перестал улавливать отдельные фразы тётушки и Фомича. Я уже не слышал сладкого голоса Маринки, дремал, клевая носом, прямо сидя на бревне.

Слышу, как мужской голос из далека говорит:

– Ишь, как ребят разморило, а женский голос вторит ему: – Да!

И вдруг стало тихо, не слышно шума реки, ни треска горящих дров, лишь усыпляющий запах сосны глубоко проникал вместе с теплом от костра в моё тело.

Сколько я дремал, не помню. Очнулся от того, что чувствую, чьи-то руки меня поднимают. Открываю глаза, а Фомич укладывает меня на подстилку из сена, рядом с Маринкой. Смотрю на тётушку, а она, вглядываясь в дочь, как мне показалось, расцвела в совершенно счастливой улыбке. От созерцательного настроения у меня и сон куда делся.

– Спи, спи, слышу голос тётушки, такой бархатный и убаюкивающий, как запах еловых шишек, которые подкладывал в костёр Фомич.

– Маленько подремал и хватит, вымолвил я, снова садясь на бревно. – У вас здесь и комаров нет, а у нас на Кубани и на Карасуне полно и порыбачить не дают спокойно.

– Хошь ухи, наливай себе не стесняйся, здесь все свои, завтра ещё рыбы сын наловит. Он у меня шустрый! Давно отца видел?

– Да вот перед отъездом сюда, подваливал к нему на новую сторожку в краевое управление сельского хозяйства, мани просил – подфартило!

– Да, у тебя отец герой! Таких дел здесь натворил, что его многие станичники недобрым словом до сих пор помнят.

– Ты бы, Фомич, язык прикусил. Кто старое помянет – тому глаз долой.

Сейчас другие времена, культ личности разоблачили. Если бы не война, сидеть бы мне до сих пор, как медному котелку, пока не позеленел бы! А ты, Ксения Ивановна, рот не затыкай, не на правлении – там вы хозяйева, а здесь на природе мы все равны. Пусть малой слушает и на ус мотает, чтобы мог разбираться в людях, да и в политической обстановке.

Чтобы прекратить этот для неё неприятный разговор, тётушка встала в полный рост и промолвила:

– Чего я тебе скажу, вещун ты плохой, как и наши руководители, которые наперёд не знают, куда идти, чего делать, как жить. А Сталин знал, страну вон какую создал. Когда умер, весь народ плакал. А эти Хрущёвы за короткое время страну без хлеба оставили, сельское хозяйство развалили, над покойником глумятся. Что ж при жизни Сталина не указали на его ошибки. Никита мстит Сталину за что-то, а сам не понимает, себе могилу роет. Фомич, давай запрягай двух лошадок, сопроводишь меня до дому и назад к ребятам. Владлен, буди Маринку, хватит ей спать!

И здесь я запел:

Вёл когда-то вождь Иосиф Сталин,

Самый лучший в мире паровоз!

– Не кощунствуй, прервала моё пение тётушка, ты ещё ничего не понимаешь, подрастёшь, нахлебаешься этой голодной правды, и сразу поймёшь, что к чему! А сейчас разговор окончен, вставай, доченька, а то жениху скучно! На тебя то и дело посматривает.

Конское позёвывание травы невдалеке указывало на то, что кони где-то рядом. Фомич окликнул двух коней, и они моментально вывернули из лунной ночи, будто из сказки Ершова «Конёк – Горбунок»

– Сейчас! Сейчас! – неторопливо прозвучал голос Маринки. И я догадался, что у сестры нет никакого желания уезжать домой. Тётушка-моментально отреагировала на молчание своей дочери.

– Да пошто же ты не желаешь, оставайся, да смотри мне не шляйся, где не следует! А ты, Фомич, отвечаешь за них головой!

Она лихо села на лошадь с седлом, а Фомич вскочил на лошадь без седла и моментально скрылись в темноте. Через какое-то время мы услышали, как они весело перебрались через реку и их звонкие голоса ещё долго неслись над рекой, и не мог их заглушить даже шум быстрой воды. Я впервые осознал, что в горах голос человека с помощью эха далеко слышен и по особому будоражит душу. Мои размышления прервала сестра:

– О чём вы так шибко спорили, что мамка домой засобиралась быстро, да ещё меня с собой чуть не прихватила.

– А ты что, слышала их спор?

– Да, так, малость.

– Я тебя прощу, об отце ничего не спрашивай у Фомича. Он такого тебе наговорит – зуб имеет! Твой отец во время коллективизации возглавлял в нашей станице комсомольскую ячейку. В 30 годы в разгар коллективизации на Кубани твоему отцу было всего 18 лет, но партийную линию большевиков проводил на селе рьяно. Выходец из бедной крестьянской семьи, ненавидел казачество, живущих на Кубани вольготно, зажиточно, основательно, имея лошадей, коров, бычков, птицу, а в лесу и пасеку. Как говорит Фомич, твой отец со своей Камсой полстаницы выселил в Сибирь под метлу. Загудел в ссылку, и он сам, как пособник Кубанского саботажа. Его реабилитировали только после войны, взяв во внимание его героизм во время сражения под Сталинградом.

Я слушал рассказ сестры, ещё не понимая исторического момента того времени, пытался вникнуть серьёзно в этот вопрос: кто прав, а кто виноват!? Эту сторону жизни отца мать никогда мне не рассказывала. Я только знал, что по путёвке комсомола он поступил в артиллерийское военное училище, и после его окончания женился на моей матери и до самого начала Великой Отечественной войны служил на Дальнем Востоке.

Между тем перевалило за полночь, хотя точного времени мы с сестрой не знали – часов у нас не было, но по расположению луны Маринка уже начала тревожиться из-за позднего времени и за свою мать. И в это время мы услышали цоканье копыт наших лошадок, вдали над рекой показались силуэты двух коней и одного всадника. Мы обрадовались, и наша общая тревога, а с ней и боязнь куда-то исчезли. Фомич распряг коней, уселся рядом с Маринкой, обнял её и промолвил:

– Хороша твоя мамка, справедливая и добрая. Мне б такую женщину, но не по зубам, да и стар я для неё.

Он стал подкладывать дрова в костёр и от дыма немного прослезился. И здесь я только сообразил, какой груз в своей душе он держит. Какую усталость, какое чувство тоски и печали несёт на своих плечах без обиды на страну. Часть этого обременительного груза, подумал я, он оставил наверняка на войне. Фомич постелил крепкую дерюгу на сено и велел нам ложиться спать. А сам достал из сумки бутылку тётушкиного самогона, отрезал кусок сала и со словами, – «прости меня, господь, за всё», – стал наливать этого мутного напитка себе в гранёный стакан. Укрывшись каким-то покрывалом под одобрителный крик «Хороша!» – Мы уже засыпали.

Ночью я просыпался несколько раз от завыванья шакалов и каждый раз под успокаивающий голосок Фомича снова быстро проваливался в сон.

7. Утро Фомича

Я проснулся от того, что обильная роса накрыла меня так, что на мне сухого места не осталось. Маринка, с головой укрывшись покрывалом и не оставив мне даже маленькую его часть, крепко спала. Костер затух, лишь только большое количество чёрного пепла напоминало о недавнем его величии. Предельно продрогнув, я встал на ноги, размял их, надел сандалии и пошёл на острый и зычный звук кнута. Через несколько минут я натолкнулся на парня лет двенадцати, который лихо владел кнутом, сгоняя табун лошадей к реке на водопой. «Должно, внук Фомича, сын, значит, Фёдора» подумал я. Я окликнул Фомича, он моментально отозвался, так как был рядом в лесочке.

– Чего вскочил так рано? – Услышал я вопрос конюха. – Сейчас растопим костёр, согреемся, попьём чаёк с мёдом, и я вас отвезу домой.

– Да мы сами доберёмся до хаты, тётушка же велосипед нам оставила.

– Ладно, ладно, бери дрова.

Я взял охапку дров, и мы медленно направились к нашей стоянке. И только сейчас я заметил, что конюх хромотает на правую ногу.

– Ранение? – Спросил я опрометчиво.

– Пострашнее сынок, елеи оклемался. Думал конец пришёл.

Когда началась война, я уже отмахал в лагерях 7 лет и в ссылке прожил в казахских степях два года. Ещё полагалось без суда и следствия отбыть 9 лет за «Кубанский саботаж» во время коллективизации в наших краях.

Двадцати семилетнюю жену и четверо моих детей не тронули, а меня в течение 24 часов погрузили в теплушку, и в Сибирь, в места столь известные, что как вспомнишь – ночь не спишь. За год до войны жена вышла замуж, снялась с родных мест и уехала неизвестно куда. Переписка наша прекратилась, и я потерял веру и надежду на жизнь. Поэтому с первых дней войны я стал проситься на фронт в штрафные роты. Но меня не брали, так как где я работал, как ссыльный в колхозе трактористом, крестьянских рук не хватало, тем более мужиков. В колхозе были все бабы. А здесь подвернулся случай, из нашего района, что находился в Кустанайской области, отправляли на фронт состав с мукой. Я незаметно в него пробрался и доехал до города Калач на Дону. К тому времени, в конце 1942 года, под городом шли тяжёлые бои. Как со стороны противника, так и с нашей стороны потери в живой силе были огромные. В беседе со мной собист долго допытывался, по какой статье я был в лагерях, почему и по какой причине в ссылке находился. Запросили на меня документы в ГПУ, и, не получив ещё ответ, сразу же отправили на передовую. В свой взвод я попал с интендантами, которые доставляли на передовую не только консервы и хлеб, но и положенные каждому солдату сто грамм. Я представился молодому лейтенанту и сразу взялся за работу, обустроить себе рабочее место в занесённой снегом траншее. Привычка ссыльного. Снег непрестанно шёл и мороз крепчал не на шутку, на месте не усидишь без горячительных напитков, врезал сто грамм и за дело. Окопался основательно. Смотрю, метров двести от меня подбитый танк стоит, рядом с ним мёртвые фашисты лежат. Выбрав момент, когда стихла стрельба, я и пополз за трофейным оружием. Что здесь началось? С нашей стороны ребята открыли огонь для прикрытия меня, а со стороны противника – прицельный огонь по движущей цели. Я, стиснув зубы, только и желал себе:

Если смерти – то мгновенной.

Если раны – небольшой.

Прихватив один автомат и два рожка, полностью укомплектованных патронами, и назад к траншее. А по мне из миномётов такой открыли огонь: думал, конец пришёл. Бог миловал, ни одной царапины. Ещё не отдышался, как взводный бежит, размахивая пистолетом, грозя, что отправит в штрафную роту, за самовольные действия. Не успел я и рта открыть, а по траншее покотился душераздирающий крик:

– Танки.

Здесь Фомич остановился и замолчал. А я:

– Дальше, дальше.

– Сейчас чаёк приготовлю и за чаем не спеша продолжу рассказ.

Я посмотрел кругом и вижу, что мы уже стоим около костра, рядом с которым продолжает крепко спать Маринка, укрывшись с головой. Я разгрёб костёр и на горячие угли положил хворост. Они быстро вспыхнули пламенем, подложив дрова, быстро спустился к реке, набрал чистой воды и мигом назад. Я торопился услышать продолжение рассказа.

К моему приходу Фомич поставил глубокую тарелку с мёдом в сотах. Вода быстро закипела. Фомич заварил себе крепкий чай, а мне послабее.

– Так на чём мы остановились?

– Наши закричали: – Танки, – промолвил тихо я, чтобы не разбудить Маринку.

Так вот, слушай!

На белое заснеженное поле, как чёрные тараканы, выползли танки. Гул моторов и скрежет гусениц с каждой минутой усиливался с приближением их к траншее. За танками шла немецкая пехота.

И здесь неожиданно заработали наши катюши (эрэсы) поверх наших голов, вспышка молнии была такая, что ослепить могла, как будто засветилось сразу несколько Солнцев. Земля под ногами качнулась. Я даже вначале присел, а потом почувствовал, как загалдела от восторга наша траншея. Я выглянул из траншеи: впереди горели танки, плавился снег, а земля дыбом становилась перед моими глазами. Гул танков, сзади идущих, стал грозно подбираться к нашим траншеям. И здесь беспорядочно заработали наши орудия. Они прямой наводкой били по танкам.

Несколько танков вывернули перед самым моим носом. Фашистскую пехоту наши отсекали умело от танков, но тигры шли на пролом прямо на меня. Я залёг в траншее и, когда танки проскочили прямо надо мной, я вскочил на бруствер траншеи и бросил подряд две гранаты противотанковые. Два танка остановились, с них спали по одной гусенице, и они стали кружиться на месте. Танкисты попытались выбраться наружу, но так и остались лежать без движения возле люка. Я обернулся назад, смотрю, пехота противника уже драпает назад, то есть отступает. И здесь по траншее прокатилось:

– Ура! И мы пошли в атаку.

Как я бежал, что я кричал, не помню. Наверно, кричал, как все:

– За Родину, за Сталина! Может, не осознано в горячке.

Не могу объяснить даже сейчас, спустя много лет после той войны. За первый свой бой был представлен к медали, но я тогда её не получил, мне её вручили только в этом году. Потом был Сталинград, и уже когда в 1943 году погнали немцев от Волги до Кубани, забегал домой на часок, так как недалеко шли форсировать с боем керченский пролив. И уже в конце 1944 года на территории Австрии меня тяжело контузило, медики комиссовали и отправили домой.

Думал, что не выживу. Выходила меня родная сестра. Когда меня в год победы реабилитировали, устроился работать пчеловодом на колхозную пасеку. Через два года после победы над фашистами, узнав, что я тяжело болею, ко мне переехал жить старший сын. Так вместе мы и стали работать на пасеке. И только в прошлом году пасеку передал ему, а сам пошёл работать конюхом. Лошадей я люблю с детства.

Я-то пошёл работать конюхом из-за твоей тётушки. Уж больно она мне приглянулась, когда я возвратился с фронта. К тому времени её муж погиб на этой проклятой войне, но она надеялась, что он вернётся живым, к себе никого не подпускала. Так девять лет я один и маюсь, возможно, кто-то у неё есть на примете.

– Просто она такая, если любит кого-то, то на всю жизнь. Никого у мамки на примете нет! Вы, Фомич, просто сладить с ней не можете – услышали мы голос Маринки.

За разговором мы и не заметили, когда проснулась сестра, высунув голову из-под покрывала. Фомич сразу вскочил с места и приговаривая: «лежи, лежи», – стал наливать ей чай и подавать мёд. Маринка села, оголив руки, плечи и медленно, молча стала пить чай. А потом вдруг, обращаясь к Фомичу, попросила, чтобы он продолжил рассказ, который так лихо лился из уст конюха:

– Фомич, вам бы книги писать, а не лошадей пасти

– Маринка, пасёт лошадей пастух, а я конюх. Моя задача, чтобы лошади были накормлены, здоровы, а самое главное сохранить будёновскую породу. Это дело тонкое и нужное.

От этих слов стало ясно, что, хотя и много переговорено, и в то же время мало, учитывая сложную и интересную жизнь Фомича.

– За одно утро всё не расскажешь, как – то с грустью вымолвил конюх. – Может, когда-нибудь книгу напишу и будут её читать потомки, как читают лагерную прозу из под полы. Тебе, Маринка, интересно будет прочитать такую книгу?

Сестра задумалась и вдруг неожиданно:

– Не всегда правда нужна народу, никогда всей правды наш народ и не узнает, Всю правду о России знает только Бог.

– А как же историки?

– Да лжецы эти историки, пишут то, что власти нужно, – ответила смело на мой вопрос сестра.

Фомич встрепенулся и вполне в серьёзном тоне стал отчитывать Маринку за её высказывания:

– Доченька, прикуси язык, так ты экзамен по истории КПСС не сдашь ни в одном институте и вылетишь из него как пробка.

– Да ну этих историков, – и, глядя на сестру, под общий хохот я вдруг неожиданно попросил Фомича рассказать о своей любви. Он повеселел и как-то загадочно повёл речь издалека.

Оклемався я после тяжёлой болезни, стал, значит, работать на пасеке. Пасека стояла недалеко отсюда в лесочке на поляне возле реки. Слышу, как-то рано поутру смех на поляне. Смотрю, женщины нашей станицы все с косами стоят, на мелких делянках трактор с косилкой не загонишь. Раздевшись до голых грудей, отчаянно косят траву, не обращая внимания, что я вышел из лесочка и рассматриваю их. У одной из женщин спрашиваю:

– Кто это? – указывая на твою мать, Маринка. И вдруг слышу:

– Кто интересуется, пусть подойдёт поближе.

Я и подошёл.

Она глянула на меня критически и говорит: не знаю такого. Откуда взялся такой прыткий? Женщины стали ей объяснять: из репрессированных, мол, и называют мою фамилию. А она как ножом по сердцу:

– Это ты хотел моего брата, спалить. И даёт понять, что разговор закончен, а я от неё глаз не могу оторвать и с места двинутся. Слышу твёрдый голос:

– Чего стоишь, глаза пялишь – не мешай работать.

Я отошёл от неё, а сам к женщинам с расспросами, кто такая, замужем ли, сколько детей? По разговору с женщинами понял, что я ей не пара, что на неё многие мужчины засматриваются. А мужчин-то в станице практически не осталось. Кто в живых остался, все с ранениями,

кто без рук и ног. Воспрял я духом, но ненадолго. Моя сестра как-то стала навязчиво говорить мне обидные слова.

– Чё ты дурень на неё глаза широко раскрыл, губы развесил свои бесстыжие. Не пара она тебе. Какой ты есть и какая она! Тебе нужна нянька, чтобы имела большое терпение и сердце. Мол, красивые женщины бездушные и бессердечные.

Ну уже, когда после работы, женщины купались на реке голыми, я и совсем сник.

Такой стати королевской я ещё не видел среди женщин.

Всё это время Маринка молчала, тогда как мне было интересно всё знать о тётушке. Я впервые задумался над тем, что значит в жизни человека любовь: в одних случаях она может его возвысить, в других случаях перемолоть в своих жерновах беспощадно, не оставив никакой радости для жизни – одни разочарования. Вот здесь и проявляется характер человека. Сломить сильного человека не способна даже безответная любовь.

Из-за гор показалось солнце, бисером на траве заиграла роса, предупреждая нас, что мы и так засиделись долго с этими бесконечными разговорами о смысле жизни.

Маринка спросила время. Фомич вытащил из кармана ручные часы «Победа» и, оправдываясь, что ремешок порвался, произнёс:

– Пятнадцать минут десятого!

– Ой, – воскликнула сестра, – собираться надо домой! А потом уже серьёзно, по-взрослому промолвила, как-то вежливо:

– Жениться Вам надо, Фомич. Ежели вы с мамкой сладить не можете, то ищите бабу. Чтобы вас ценила и служила вам, как собачонка. Иначе толку не будет. Вон, кроме мамки, сколько гарных баб в станице, это с мужиками дефицит.

Она подняла велосипед с земли и зычным голосом, приказным тоном:

– Что расселся, вставай – пора домой, дел дома под завязку хватает.

Я вскочил с земли на ноги, и мы медленно, как бы раздумывая, направились к мосту. Отойдя метров сто от нашей ночной стоянки, Маринка вдруг неожиданно заявила:

– Фомич меня раздражает, как так не может понять, что моя мамка ему не пара.

Я оглянулся назад. У костра по-прежнему находилась одинокая фигура конюха, как бы подчёркивая, что в его жизни не осталось простых последних желаний.

8. Чем отплачу за этот день

Как только мы покинули мост, Маринка сразу стала меня торопить:

– Садись быстрее на раму!

Я стал отказываться, боялся, что она не справится с управлением и мы вместе где-нибудь завалимся на пыльной дороге.

– Я пойду лучше пешком, заявил я неуверенно.

– Садись не трусь, ломаешься, как сдобный сухарь!

Я боязно влез на раму, крепко уцепился за руль. Только успел для храбрости прокричать: давай газуй, – как Маринка лихо вскочила на седло, и мы поехали. Подбадривая сестру, я только и успевал кричать на всю окрестность:

– Вау!!! Вау!!! Вау!!!

Маринка быстро и легко крутила педали, повторяя одно и то же:

– Не держи крепко руль, а то в кошерах окажемся!

Как только мы выскочили из-за поворота на нашу улицу, Маринка вслух, радостно заметила:

– У нас гости! – Одну, Волгу узнаю – председательская, а вторая, возможно, важного гостя из Краснодара.

Она загадочно заговорила:

– Вишь ты прибыл! Кто проболтался, что ты у нас отдыхаешь?

Около калитки, ещё не заходя во двор, узнал по голосам неожиданных гостей. Под виноградным навесом за столом сидели отец, дядя Григорий, незнакомый молодой мужчина, как оказалось, председатель колхоза, а между ними молодая красивая женщина.

– Это новая пассия твоего отца, – тихо шепнула мне на ухо сестра.

Я внимательно, с интересом стал рассматривать её, сравнивая с матерью.

Мои наблюдения прервала тётушка:

– Ну сколько можно вас ждать! Уже и солнце в зените, а вас всё нет и нет!

– Да мы, мама, не голодны. Но с вами посидим вместе, я рада, что у нас такие редкие гости.

Я сразу догадался, что сестра лукавит, лишь потому, как новая пассия моего отца смело и ловко ухаживала за мужчинами и так приветливо всё время обращалась к тётушке, стараясь её мысли разгадать заранее! Она непринуждённо через несколько минут стала обнимать мою сестру, не обращая никакого внимания на меня. При этом так назойливо хвалила сестру, как бы подчёркивая мою никчемность, чем вызывала у меня только раздражение и злость. Я едва себя сдерживал, чтобы не нагрубить кому-нибудь за столом.

До меня с трудом, как до жирафа, стало доходить, что отец с этой женщиной – частый гость у тётушки. Растревоженный одной мыслью, почему об этом мне ничего не рассказала Маринка, я уселся рядом с тётушкой, которая постоянно отвлекалась от стола, подавая всё новые и новые блюда, которые я в своей жизни никогда не пробовал.

Отец вёл неторопливый разговор о хозяйственной деятельности колхоза, обещал помочь запчастями для тракторов, комбайнов и автомашин. Я знал, что это он сможет сделать, так как к этому моменту уже возглавлял важный отдел в краевом управлении сельского хозяйства и никогда не забывал родную станицу.

Моё детское чутьё и свежее, чуткое восприятие жизни подсказывало, что и с этой женщиной, как и с предыдущими, отец долго жить не будет. На этой мысли и прервал мои раздумья отец:

– Вот, приехали посмотреть, как ты здесь живёшь. Кой-чего тебе привезли.

– У меня всё есть, – промолвил я, ожидая самого главного вопроса, столь неприятного для меня, что захотелось немедленно встать из-за стола.

– Сиди! Сиди!

– Ну, рассказывай, как школу закончил, не остался ли, как всегда, на осень.

Болезненная тема для меня вдруг обескуражила, я не знал, как к ней подступиться. Отец при всех стал высказывать неудовольствие, как воспитывает меня мать:

– Говорил я ей ещё три года тому назад, отдай его ФЗУ на завод Седина. Не послушалась, теперь что с тобой делать?

– Братик, от стыда можно умереть, от того что ты так говоришь! Судьба сына, родного, совсем редко приходит тебе на ум! Ты даже не знаешь, что в Ф. З. У. берут только с четырнадцати лет. Ребёнка нажили вдвоём, а всю тяжесть забот возложил на Татьяну. Выстудилось, очерствело сердце твоё, в этой сладкой жизни.

– Сестра, ты неправа, в моей душе есть место для сладкого и для горького, порой не могу только разобраться, что душа требует! Ну, теперь понятно, почему ты бываешь трезвым редко.

И здесь я услышал голосок доброй кобры:

– Может, пусть поступает в сельхоз техникум. Друг твой директор техникума, переговори с ним! – Позорится, на первом курсе же отчислят. Бери пример с Маринки, на медаль тянет. Тебе, правда, до медали как до Киева пешком. Иди пока не поздно на завод, какую ни будь рабочую специальность получишь.

Тётушка вдруг встала из-за стола и раздражённо выпалила:

– Попрекать женщину все мастера, а ответственность нести вдвоём за сына не могут или не хотят! Тётушка посмотрела укоризненно на отца, давая понять, что тема закрыта. И в это время председатель колхоза подозвал к себе Маринку, по-отцовски обнял её и, обращаясь к тётушке, предложил дочери поступать по направлению колхоза в сельхозинститут на зоотехнический факультет. Развивая свою мысль, он посоветовал серьёзно подумать над этим вопросом, при этом подчеркнул: колхоз будет платить повышенную стипендию и общежитие оплачивать.

Маринка, глядя на мать, как отрезала:

– Хватит нам в семье одного животновода!

Тётушка, склонив голову набок и прищутив глаза, думала о другом, не сомневаясь в правильном выборе своей дочери. Её волновал серьёзно житейский вопрос, почему мужчина выбирает ту, а не другую женщину, не задумываясь о последствиях этого выбора, порой опасного. Причин, конечно, много, как положительных, так и отрицательных. Главная причина любовь! Но она не вечна, часто быстро проходит, а где обязанность и ответственность за судьбы детей. Тётушка неожиданно засмеялась и глядя в глаза отца, заметив, что из-за стола встала его новая пассия, промолвила:

– Петро, с нечистой силой ты связался! Баба хотя молодая, но хитрая. Облапошит тебя, оставит голым, без кола и двора. Пока, не поздно, возвращайся в семью. У тебя растёт хороший парень! Она внимательно посмотрела на отца, а тот только хмыкнул и ничего не сказал. Мне стало обидно, я встал из-за стола и пошёл на хоздвор. Удушливый ком подкатил к горлу, но я сдержал слёзы и промолвил:

– Без тебя проживём!

Я не заметил, когда со мной рядом оказалась сестра. Она обняла меня за плечи и, заглядывая мне в глаза, вдруг произнесла:

– Ты держался, молодец, здорово! А Мамка-то, мамка, как отбила твоего отца! Будет помнить долго!

– Такие ничего не помнят, вымолвил я, сдерживая слёзы.

Всё, что можно было припомнить в этот миг, я вспомнил, как свой страшный сон. Неужели всё это было со мной, подумал я, – надо браться за ум пока не поздно! И повернувшись лицом к Маринке, не веря ещё своим словам, заявил:

– Маринка, ты заметила, как борзел отец перед этой сукой, а она сплошной косяк, как зыркнет на него своими глазами, как кобра, и ушла! Я немного помолчал и уже в другом, услужливом тоне обратился к сестре:

– Маринка, помоги мне осилить школьную программу.

Она, не сдерживая радости, пронизательно глядя на меня, произнесла:

– Этого часа я ждала! Я рада тебе помочь!

В этот же день, вечером, гости разъехались, унося с собой неопределённость и чувство неуверенности. Я уже знал, что мне надо делать, чтобы измениться в лучшую сторону.

9. Банный день

Медленно и беззвучно захватила меня учёба под руководством сестры. Я полностью подчинился её порядку и её воле. Характера моего хватало на то, чтобы упорно двигаться, осваивая новые и новые программы, не ропща и не вздыхая, как будто в чане души кто-то размешал веру и надежду и дал мне её выпить. Мечта закружила меня. Скоро я уже хорошо понимал, что я делаю, зачем себя я так мучаю. Много из того, что меня мучило: успеть бы к осени нагнать своих сверстников – становилось реальностью. В каком-то обновлённом порядке знания стали накапливаться, как бы говоря: пришёл твой черёд! Учёба меня захватила. Я чувствовал приятную освобождённость от страха и непонятной тяжести. Я сбросил душевный груз переживаний, расправил плечи и целиком подчинил свою волю требованиям сестры. К концу июля тревога и беспокойство души меня покинули, появился интерес: а что там впереди?! Мне не было суждено тогда понять, чья сила и воля вела меня – сестры или Божья! Так как эти силы слились воедино и подчинили мой разум к благоразумию. Конечно, в процессе подготовки возникало много вопросов, на которые я тогда ответить не мог, да и сейчас бессилён перед рядом вопросов. Как бы там ни было, когда в последнюю декаду августа мать приехала за мной, она меня не узнала, настолько произошли во мне внутренние перемены. Я стал заниматься зарядкой, делать утренние пробежки, подтягиваться на турнике до пятнадцати раз. Но самое главное: из моего лексикона исчезла половина уличного жаргона. Новость, которую привезла мать, меня ошеломила. Я буду учиться в новой, самой престижной школе города – базовой пединститута. Узнав об этом, я несколько минут сидел не шевелясь, рассеянный мой взгляд не мог поймать предмет, на котором я бы мог сосредоточить своё внимание. Потом, опустившись на землю, спросил:

– Как тебе удалось это сделать?

Я знал, что с таким табелем успеваемости мне закрыты двери в любую школу десятилетку. Кому нужны такие заботы – ещё на три года, когда от своих двоечников голова болит, не знают, куда их спихнуть после седьмого класса.

– Сынок, не всё так просто. Я обегала пороги многих школ, но все отказывали в моей просьбе, а как по телефону соединялись с твоей прежней школой, то как чёрт от ладана отмахивались от меня. Случайно встретила в районо своего фронтового товарища, директора школы Исаченко: он на свой страх и риск взял тебя в свою школу. Теперь, сынок, придётся оправдать его доверие.

Тревога, смешавшись с непонятным доселе мне чувством ответственности, заставила задуматься, аж на лбу пот выступил. Подавленность мою сразу заметила сестра и одобрительно вымолвила:

– Не подведёт, тётя, не волнуйтесь!

Тётушка, глядя на меня, сразу же стала нахваливаться мной, а сама, видимо, ждала, что маманя станет спрашивать об отце. Но маманя делала вид, что её этот вопрос не интересует, хотя она часто спрашивала, кто был в гостях, как мы проводили время, ездил ли я в гости к дяде Григорию. Тётушка подробно рассказывала о моих успехах в учёбе, не затрагивая пребывания отца в гостях: короткого, но яркого. Наконец тётушка объявила: сегодня у нас праздник и по этому поводу устроим банный день. Быстро на вечер распределили обязанности. Я стал готовить дрова для баньки, натаскал воды в котёл и возле баньки в бочки. Женщины заботливо стали готовить ужин, я же внимательно и ревниво наблюдал за матерью, улавливая каждое её желание. Воспитанный одной матерью без отца, я эгоистично воспринимал её потребность быть в курсе жизни отца. Она внешне не подавала вида, но я знал, что она до сих пор его любит. За приятной суетой как-то не заметили, что солнце село. Женщины заторопились в баньку, где уже была растоплена печь и кипела в котле вода. Я же остался сидеть под виноградным навесом

ждать своей очереди и отгонять котлов от стола. На душе было отраднo и в то же время уже охватывала грусть расставания, а неизвестность тревожила. Я встрепенулся, когда услышал громкий смех возле бани и всплеск воды. Распираемый любопытством, я вышел из беседки и стал подглядывать за их проказами. Голые, красивые женские тела по очереди ныряли в бочки с головой. Я силился понять и рассмотреть, где моя мать, так и не смог. Все были статные, фигуристые, с высокими грудями, мокрые волосы закрывали их лица, разобраться в этой красоте было невозможно. По телу нельзя было определить возраст хозяйки. А им тогда было: матери – 38; тётушке – 40 и сестре -16 лет. До конца не познавшие мужской ласки и внимания сохранили чистоту и преданность своей первой любви. После войны прошло уже 9 лет, а они до сих пор при такой красоте – одиноки: одна при живом муже, а другая по вине чужой чёрной силы. Я ещё долго сидел под навесом, дожидаясь таких красивых и дорогих мне женщин с одной мыслью; рассмотреть их красоту поближе. Моё терпение было на исходе, когда они как феи нарисовались перед моим лицом, восторженно приказывая:

– Иди купайся!

Всю блаженную мою идиллию они смазали мгновенно.

Когда я в баньку залетел, от густого и горячего пара чуть не задохнулся. Быстро искупавшись, прибежал назад под навес и за стол рядом с сестрой сел. Мать: сядь рядом со мной, я соскучилась! Не возражая, я пересел к матери, от которой исходил такой жар, что мог согреть не одного дитя.

– Ну рассказывай, что у вас здесь случилось. Отец тебя обидел?

И здесь тётушка, наливая себе и мамаше красного вина стала обзывать отца различными неприличными словами, при которых у нас с сестрой уши вяли. Маринка посмотрела на мать и вполне серьёзно:

– Мама, уймите свой пыл. Безусловно, твой брат бесстыжий человек. Зачем эту краплю привёз к нам, тем более знает, что у нас отдыхает Владлен.

Мать наклонила голову и тихо запела:

Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной берёзовой
Моей.
Перед жнивой
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей.
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Садом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь,
Душа моя чиста.

Потом она упала на стол и заплакала. Тётушка подскочила к ней и стала успокаивать, я не знал, что и делать. Сестра взяла меня за руку и сказала:

– Пойдём погуляем.

Мы вышли за ворота, сели на лавочку, сестра обняла меня и нежно промолвила:

– Вот такая у нас – женская доля!

10. Повороты судьбы

Конечно, той заповеди Апостола Павла, которая послужила эпиграфом моей повести, я не мог тогда знать, тем не менее в мыслях я прелюбодействовал, и, когда пришло время расставаться, я отрывал сестру по живому от своего сердца. Мы шли на остановку все молча, стараясь не выдать грусти. Лишь когда автобус стал трогаться, я выскочил из него и на глазах у всех любопытных стал её обнимать и целовать, как бы стараясь сохранить о ней память хотя бы на своих губах. Я догадывался, что наверняка до весны следующего года её не увижу. Она попросила писать письма, а я опрометчиво дал обет, не представляя ещё тогда, какой на себя взваливаю тяжкий труд и мучения. Автобус уносил меня в город, оставляя в пыли станицу на неопределённый срок, неведомый ещё мною. Какая-то страшная пустота охватила меня, невольно закружилась голова. Я прислонил голову к плечу матери и выдал:

– Грустно!

Я ощутил запах пыли, который проник в салон автобуса, щекоча нос. Я еле сдерживал чих и только сейчас заметил: оказывается, я подросток! Через мгновение я стал примерять, насколько моя голова стала выше материнского плеча. И в это время услышал:

– Подросток! Подросток! Возмужал!

Я невольно подумал: от материнского глаза ничего не скроется, наверняка заметила в моих глазах грусть расставания, а возможно и тревогу. Мать, безусловно, давно поняла, каких трудов, какой борьбы стоило мне, чего ещё будет стоить, чтобы затушить пожар души, вспыхнувший от глаз сестры. Мать как никто знала, девушки и женщины прекрасны прежде всего глазами. Это их тайное оружие, способное ослепить и взять в плен самого искушённого мужчину.

Насторожено вытянув шею, выглядывая в окно автобуса, мать сказала:

– Сынок, вот живём совсем рядом с такой красотой и не ценим её. А где взять на это время, если с работы не вылезая, чтобы лишь только прокормиться. За тобой соскучилась очень, я же никогда на такой большой срок тебя от себя не отпускала!

И действительно: я даже не смог припомнить хотя бы один случай, когда бы я уезжал в пионерский лагерь, или на худой конец ходил бы в туристический поход в горы, находящиеся совсем рядом; или ездил бы на море, хотя бы на экскурсию, уже не говоря о купании. Я завидовал всем своим сверстникам, кто уже искупался в Чёрном море.

Я посмотрел на мать и заметил, как на её глазах блеснули слёзы, которые привели меня в замешательство, заставляя положить голову на её плечо. Мы замолчали, прижавшись друг к другу. Я был счастлив, что со мной рядом дорогой и любимый человек. И зачем мне то море, когда мне и в станице хорошо, подумал я.

Автобус выскочил на асфальт, замелькали деревья, как будто вышли торопливо к дороге проводить нас в далёкий и добрый путь, ещё неведомый для нас. Таинственно и заманчиво звала эта дорога к жизни, назойливо обещая более привлекательную и счастливую, чем та, что осталась позади с её ухабами и крутыми поворотами.

Когда я расставался с сестрой, у меня возникло впечатление, что она хотела сказать мне что-то важное, касающееся нас двоих, но рядом стояли взрослые, и Маринка нужные слова так и не произнесла. Наверно, чтобы не спугнуть наши ещё не окрепшие чувства и не вызвать со стороны взрослых насмешек и унижения. Тем не менее, помня данный обет, я повторил:

– Буду писать часто и непременно, только не упрекай меня за ошибки.

Она не останавливала меня, как мне показалось, чтобы меня не огорчать своим неверием. Я недоумевал: то ли я такой безграмотный, бестолковый что она не верит, то ли причина в моём возрасте, когда такие обещания, как пыльца, которая сдувается с цветка от первого ветра. Однако повода так думать о себе, я ей не давал.

До учёбы в новой школе оставалось пять дней.

Когда автобус покати́л по равнине, мать сообщила приятную новость: нам в барачном помещении дали комнатуху. В моё отсутствие она уже покинула со своим скромным скарбом родительский барак. Начинался новый виток моей жизни. Мать была рада, что мы переехали в другой район города, что она отрывает меня от дурных друзей, и таким образом надеется наладить новую для меня жизнь без шишек на голове и заноз в сердце.

Я захожу в новую веранду, а потом в комнату, у нас отдельный вход. Справа в бараке располагается женское общежитие строителей, справа поселилась семья офицера милиции.

Мы входим в большую комнату, аж двадцать шесть квадратных метров. Посредине комнаты столб, подпирающий потолок, пахнет известью и краской. Мамаша успела к моему приезде сделать ремонт, завести две металлические кровати, два стула, два стола, один для меня, другой для кухни.

– Эх, сынок, сколько всего нужно! – слышу я голос матери. – Одно расстройство!

Я успокаиваю мать:

– Да ничего нам ненужно, осталось только купить занавеску (марлю), да кой – какую посуду. Самое главное, у нас примус есть, две кастрюли и сковородка. Вокзал от нас недалеко, заготовим на зиму угля, а дров вон сколько в старом саду рядом с водокачкой.

Одно единственное окно мы немедленно закрываем газетами, особенно их не рассматривая. Теперь можно и с портретом вождя их вешать, где угодно: без боязни загудеть в не столь отдалённые места.

Я давно мечтал иметь квартиру, наконец мечта осуществилась, ну и что с того, что её переделали из кузни.

Я выхожу во двор и уже внимательно осматриваю посёлок. Наш барак стоит на краю посёлка на берегу реки Кубань. Посёлок состоит из шести финских домиков и нашего барака, с одной стороны которого тянулась железнодорожная ветка на мясокомбинат, с другой стороны текла река.

В душу закралось таинственно непонятное состояние, почему мы так бедно и убого живём?! Уже давно и война кончилась, а с ней нас уверили, что жизнь наладится, заживём – все хорошо будет. Однако со смертью Сталина отменили ежегодное понижение цен на продукты питания в магазинах с прилавков исчезло мясо, молоко, сметана. До меня не доходило, как так: во всех газетах трубят о повышении продуктивности животноводства, об увеличении кормовой базы, а продукты из магазинов, как корова языком слизала. Кукурузой засеяли все пашни, даже люцерну с полей убрали, своими глазами видел всё это в колхозе тётушки, а толку мало! С мыслями: «но бывает конец пурге и в тундре», я важно прогулялся среди домиков, вызывая раздражение и злость у местных собак, и, хотя своих сверстников не встретил, зато наслушался песен Петра Лещенко. Из каждого раскрытого окна неслись наперебой песни мне давно известные, многие я знал наизусть, такие как: «Чёрные глаза», «Стаканчики гранёные», «Моя Марусечка». Но когда я услышал:

Девонька милая, девонька славная,
Девонька радость моя,
Если б ты знала моя ненаглядная —
Грустно мне как без тебя.

Я расстроился и быстро возвратился домой.

Мы тихо сели с мамой за стол друг против друга и стали есть жареную картошку. И какая-то тревожная надежда, что мы можем быть счастливыми и без отца, как никогда одолела нас! Для меня уже тогда стало ясно, что только одна есть истина на земле – святая истина матери, без неё я пропаду, как пропадали многие сироты после войны. Государство хотя и пыталось

сиротство согреть, накормить, одеть, тем не менее, сколько их ещё бродяжничало по нашим вокзалам и базарам, не зная материнской ласки.

Поглощая картошку, я думал только о матери и о сестре!

Появилось неожиданное желание увидеть Маринку и вместе побродить по городу, изумляясь красотой улиц и чему-то, чего я ещё не понимал! Я не знал, что с этим чувством делать? Моё волнение заметила мать и, стараясь вывести из этого состояния, сообщила, что завтра пойдём в школу за учебниками. Я пришёл в себя, счастливый, ощущая свободу в этой комнате, где никто тебя не попрекнёт куском хлеба и не даст тебе подзатыльника. Я повеселел, вдыхая запах извести, и меня потянуло на сон.

Проснулся рано утром от того, что кровать дрожит и слышен скрежет металла:

– Спи, сынок, товарняк с живностью на мясокомбинат пошёл. Ровно пять часов, ещё рано!

С последними словами матери в открытую форточку влетел довольно знакомый станичный запах, такой желанный и уже любимый. Я стал вспоминать лучшие моменты станичной утренней жизни. Как Маринка, хотя и охотно принимала мою помощь по хозяйству, но всегда старалась мой сладкий сон беречь: рано не будить.

Часто просто садилась утром за стол рядом со мной и так ласково гладила по руке, что я весь замирал от невольной недосказанности, которая была в её нежном взгляде. В том, как она оберегала меня в работе, было столько отрады, что моя душа светилась, словно та памятная горная речка в солнечный день.

Я страстно захотел вернуться в станицу, где ласточки свили в коровнике гнёзда и уже появились птенцы, где высоко в небе кружит орёл, высматривая свою добычу, где за чистой серебряной рекой бродит табун лошадей под присмотром Фомича. Очнулся я оттого, что мать навалилась на кровать и дует мне в лицо, стараясь меня окончательно разбудить.

– Я уже оладьи приготовила, поешь со сметанной, да будем собираться в школу. Дорогу покажу, пешком минут двадцать, а то и тридцать иди.

Я обхватил мать за шею и, никак не отпуская, стал приговаривать:

– Да разве мне нужен отец? Мне только ты нужна. Нам и без отца хорошо!

И в ответ услышал:

– Да, сынок, ты умница, он ведь, окаянный. ещё пожалеет, что бросил такого сына!

Меня удивило то, что мать в первую очередь думала обо мне, загоня свою любовь и боль куда-то в глубину своей независимой души. Я начал уже сознавать, что только материнская любовь может развеять мрак.

Пока маманя собиралась в дорогу, я быстро сбегал за водой к колонке, подпевая задорно себе под нос любимую песню:

– Были сборы недолги от Кубани и Волги, мы коней собирали в поход!

Потом быстро оделся, на ходу уплетая оладьи, удивляя свою мать станичной расторопностью и сноровкой.

Мы выходим на железнодорожную насыпь. Мать приглашает посоревноваться, кто дальше пройдёт по рельсам, не касаясь земли. Параллельными курсами, сквозь ряды уцелевших домов в этой страшной войне мы шли к счастливой жизни, готовые протянуть руки помощи друг другу в любое тяжёлое время. Такой весёлой и счастливой мамашу я ещё не видел! Возможно, надо пройти какой-то путь возмужания, чтобы оценить красоту жизни и твоих близких людей.

С переменными успехами мы быстро достигли переулка, где свернули на улицу Карла Либкнехта. И здесь мать, задиристо спрашивает меня:

– Ну, как я равновесие держу!

– Здорово, не ожидал – промолвил я ревниво.

– Да твоя мамка ещё многим фору даст! Вот найду тебе другого папку, более сознательного и добросовестного!

Я понимаю, что она хорохорится, никого искать она не будет, вечно будет ждать возвращения отца в семью. Поэтому я одобрительно машу головой, семеня быстро ногами, еле поспешая за ней. Я радостно посмотрел на мать и моментально оценил её молодую статью и привлекательность фигуры, которая, обычно скрывалась под рабочими халатами, под гимнастёркой или под фуфайкой. На ней было яркое платье из крепдешина, белые туфельки на низком каблучке. На плечи была накинута тонкая шаль из шёлка. Глядя на мать, я неожиданно задаю такой важный, мучащий меня давно вопрос:

– Мама, почему с нами папа не живёт? Ты у меня такая красивая и привлекательная!

– Сынок, наш папа плывёт в океане любви на корабле распутства. Каждая пристань для него новая любовь. Наберётся сил на пристани и снова в плавание до очередной пристани. Такие люди, как он, на берегу долго без океана любви находится не могут. На берегу они оставляют о себе память только в виде детей.

– Но, в океане часто штормит? – спрашиваю я мать.

– Да, сынок, в океане любви ещё как штормит! Вот и ты попал в шторм!

От этих слов, я невзначай покраснел, а мать продолжила: – при таком шторме одни погибают, другие садятся на мель, третьи приходят домой потрёпанные, четвёртые ступают на берег закалёнными героями.

Я слушал мать, а обида разъедала мою душу: почему это коснулось нашей семьи? Я ещё не знал, что как следствие этой жестокой войны почти в каждую семью не возвратился кормилец, сын или отец.

– Сегодня день я посвящаю тебе, – промолвила мамаша, с необычайной лаской глядя мне в глаза, разгоняя мои мрачные мысли. – Сейчас получим книги и пойдём в парк, я угощаю тебя мороженым.

Когда мы подошли к улице Седина, мать заявила: налево парк, а направо педагогический и медицинский институты. Вон в том здании будет учиться Маринка!

Я повеселел при мысли, что мы будем учиться практически рядом и будем видеться довольно часто. Буквально через квартал мы упёрлись в кирпичную стену школьного двора, который занимал целый квартал.

С одной стороны школьного двора, по улице Коммунаров, тянулись трамвайные пути, с другой стороны располагался скверик.

Здание моей школы оказалось каким-то светлым и приветливым.

Внутри школьного двора стоял двухэтажный флигель, там мы получили книги, правда не новые, но зато все без исключения, так необходимые для освоения школьной программы восьмого класса.

Выйдя из парадных кованых железных ворот, перейдя через дорогу, мы оказались под тенью могучих деревьев, среди которых аккуратно и красиво бежали аллеи, на которые я радостно ступил, надеясь на успешное начало моей новой жизни.

В центре скверика возвышался громадный постамент из мрамора, окружённый могучими цепями и охраняемый зоркими орлами. Я ещё не знал, что здесь когда-то на этом мраморном постаменте возвышался над деревьями памятник Екатерине Великой.

11. Ворошиловский стрелок

Мои руки с материнскими никогда так не смыкались крепко, как сегодня, чтобы идти вместе и ни о чём не беспокоиться, с безмятежной улыбкой и радостным лицом: у меня ещё каникулы, у неё выходной день. Весёлые мы входим в городской парк имени Горького.

Я уже знал, что Горький основоположник советского реализма, пролетарский писатель: об этом часто твердила на уроках русачка. Я только не понимал, почему пролетарский писатель, а не просто писатель. Но когда начали учить наизусть его знаменитый «Буревестник», вытирая пот со лба, сразу понял почему пролетарский, так как без труда запомнить этот шедевр было просто невозможно, хотя твердили это произведение изо дня в день на уроках.

Мать неожиданно вдруг как засмеётся и говорит:

– Знаешь, не могу понять, почему у нас в стране многие парки называются именем этого писателя? Во всех городах, где мы бывали с отцом, везде парки его именем названы.

– Мама, наверно, Горький любил отдыхать в парке.

– Да нет, сынок, Горький любил отдыхать в Крыму да в Италии.

Мы вместе смеёмся, а мать: – будете изучать его пьесу «На дне», смех куда денется, одни слёзы.

– Мама, когда мы читали с Маринкой его вещь «Рассказ о необыкновенном», смеялись с ней до упада.

– Интересно, что, Горький и юмор писал?!

– Наверно, под влиянием Чехова.

– Откуда ты это всё знаешь?

– Маринка рассказывала.

За разговорами я и не заметил, как мы приблизились к тиру, и здесь мать промолвила:

– Вот сейчас, ты и покажешь мастерство в стрельбе! Это тебе не воробушек стрелять из самопала!

Я вначале оторопел, а потом обрадовался. Что, что, а это, как я считал, умею делать безукоризненно, на отлично. Внутри тира мы еле протиснулись к прилавку. Все пневматические винтовки были заняты. Велась беспорядочная стрельба: то слева, то справа, без особенных успехов и восторга со стороны болельщиков.

Дождавшись своей очереди, мать попросила хозяина дать две винтовки, как она заявила – для пристрела. Отстреляв по три пульки из каждой винтовки, оставила пристрелянную, лучшую себе.

Я не успел и слова вымолвить, как мать, подмигнув мне, взяла десять пулек и на глазах изумлённой публики все вогнала в цель. С правого угла она в первую очередь сбила два самолета, в левом углу крутилась мельница, зверюшки падали, сражённые пулями один за другим. Я смотрел ошалелыми глазами на мать, внутри моей груди от восторга всё клокотало.

Со слов хозяина стало ясно, что она заработала множество призов, я только горделиво оглядывался по сторонам, не проронив ни слова, чтобы не спугнуть успех.

Когда мать протянула винтовку мне, я отказался стрелять. Я не хотел смазывать прекрасное впечатление. И в это время под общее одобрение присутствующих, хозяин предложил матери посоревноваться с ним на главный приз: бесплатное посещение тира целый месяц.

Хозяин закрепил на расстоянии 20 метров две мишени, и они начали стрелять по команде. Из десяти выстрелов мать выбила сто очков, хозяин 99. В тире мужчины загалдели не на шутку, вопросительно глядя на меня. Я же в растерянном состоянии только загадочно улыбался всем. Хозяин предложил перестрелку, мать без боязни кивнула головой, в знак согласия. Все снова загалдели, предвкушая нешуточное соперничество. И здесь случилось то, чего никто не ожидал. Я услышал вопрос:

– Фронтовичка, снайпер!?

– Какое это имеет значение, услышал я ответ матери.

То, что случилось на моих глазах, настолько поменяло моё представление о матери, о её силе характера и скромности, что я только посмотрел на неё ласково, обнял её за талию, а она меня за плечи.

Я почувствовал, как она дорожит тем, что я рядом с ней, и той дорогой, которую выбрала сама, ещё до войны: широкую и просторную, где было место и добру, и худу.

Семейная жизнь для моей матери до войны не была тяжёлой, хотя порой могла от чего-нибудь да скомкаться, сломаться. Без сучка и задоринки ничего в этой жизни не бывает. Перед самой войной у моей матери было уже два малолетних пацана: я и мой брат. Как жена офицера, с моим отцом переносила все тяготы военной службы и считала, что счастье никуда не денется, не скроется. Вначале работала поваром, а потом целиком посвятила себя семейной жизни. В тяжкие военные дни она даже в мыслях не перекраивала свою судьбу; как все трудящиеся нашей страны, работала по двенадцать часов, голодала и мёрзла в теплушке. На станции Слюдянка похоронила младшего сына, моего брата, но рядом другого с собой мужчину не представляла. Тогда как её муж в это время уже завёл пашни с военврачом на фронте. Она не металась из стороны в сторону, не искала легких путей. Она содрогалась каждый раз, как и тысячи других женщин, от похоронок, когда их приносили в соседние теплушки, надеясь на возвращение своего любимого человека с фронта. Но, как говорят в народе, на всех счастья не наставишься. Вот и мой отец, хотя и остался жив и дослужил до полковника, но после войны в семью не возвратился, остался жить с фронтовой подругой. Правда, прожил он с ней всего четыре года. Новая жена не выдержала загулов отца, когда он учился в Ленинграде на агронома, бросила его, и уехала куда глаза глядят.

Мои горестные и печальные раздумья развеял хозяин тира.

Он потрепал мои волосы на голове и вдруг, глядя в глаза матери, предложил работу в выходные дни. Мир не без добрых людей! Мы, не сговариваясь, сразу же согласились. Мать в выходные дни должна была в тире подыгрывать хозяину в азартных играх. Я же рядом в мастерской производить пульки из свинца за станком, который легко управлялся, не вызывая усталости в детском организме. Из тира мы вышли счастливые и радостные, держа в руках различные призы. С благодушным настроением отправились прогуливаться по парку. Время катилось к вечеру, заиграл духовой оркестр на танцевальной площадке «Кому за тридцать», а на открытой арене зелёного театра, запели народные коллективы заводских домов культуры. На душе как-то стало легко, светло и радостно. Мать попросила у меня разрешения потанцевать. Я опрометчиво ей разрешил, ещё не зная, что она будет пользоваться таким успехом. Но когда мужчины один за одним, на перебой, стали её приглашать то на один вальс, то на другой, я занервничал, просто стал её ревновать. Она быстро это заметила и успокаивающим тоном предложила:

– Пойдём домой!

Уже за воротами парка, я спросил мать, где она научилась так метко стрелять. Мать отшучивалась, повторяя одно и то же:

– Я солдат революции и должна уметь за неё постоять!

12. Первое сентября

Раньше почему-то даже при упоминании слов «первое сентября» я содрогался от ужаса. Мне не только не хотелось в школу идти, я в раздумьях желал, чтобы она сгорела или на худой конец её ливень залил так, чтоб крыша обрушилась.

Но каждый год этого не случалось, и я скрипя зубами со страхом шёл в это мрачное заведение, проклиная в сердце храм знаний.

Первое сентября в этом году я ждал с невиданным нетерпением. Мне хотелось как никогда проверить побыстрей свои силы и возможности.

Не успел в пять утра прогрохотал товарняк на мясокомбинат, как я вскочил с постели. Сделал зарядку, умылся. Мать забеспокоилась, уговаривая меня ещё немного поспать, несколько раз повторив, что на школьной линейке мне надо искать 8 б класс. А потом вдруг неожиданно заявила:

– Отпрошусь у начальства, приду на линейку, посмотрю со стороны, как ты выглядишь!

Не помню, когда последний раз мать была на школьной линейке, не до этого ей было от житейских забот и усталости. Но главная причина, возможно, крылась в другом, ей надоело выслушивать только одни упрёки в мой адрес, от стыда сгорая. Поэтому её желанию особенно не поверил. Как правило мама уходила на работу в пять часов утра, а приходила домой после восьми. Она работала поваром в столовой грозного комитета государственной безопасности (КГБ по Краснодарскому краю). Она лично обслуживала начальника краевого комитета, малейшая оплошность могла стоить ей Сибири в лучшем случае, а в худшем и жизни.

Утро! Как обычно в это время года оно на Кубани – славное. Солнце неяркое, даже утром нежно и приятно согревает. Уже нет той изнуряющей жары: какое-то нежное равновесие наступило между летом и осенью, в воздухе витает запах яблок, груш и пленительный сладкий привкус арбуза не сходит с губ.

Пока мать готовила брюки и новую рубашку, я уплетал сладкий арбуз за две щеки вместе с чёрными семечками. Мякоть сахарными крупинками таяла во рту, стекая алым соком по рукам.

В это время года я всегда баловал арбузами мать. Весь город был завален арбузами, их продавали на каждом углу. Я часто подвизывался у торгашей, просясь на разгрузку такого хрупкого товара. Потом выбирал парочку со свиным хвостиком и нёс домой. Мать не верила, что я заработал честным трудом, всё время повторяла:

– Своровал небось!

И хотя у мамы в ридикюле всегда лежали медяки, и их вполне хватило бы на покупку одного арбуза, однако без её разрешения денег я никогда не брал.

Задолго до начала линейки мы вышли из дома, направляясь в первую очередь на её работу. По дороге мать то и дело просила меня вести себя в школе скромно, без всяких там чудачеств и фокусов. Работа оказалась рядом со школой всего какой-то квартал. Я заволновался от этой близости, потом успокоился, сознавая, что во мне произошли большие перемены, позволяющие обходиться без опеки и надзора.

– Ну вот, всё! Пришли! – с облегчением, утирая лицо платочком, сказала мать и заторопилась: – Сейчас! Сейчас! – проверю кто из девчат пришёл на работу. Поставим варить мясо, а ты иди в зал столовой, отдыхай.

– Да где же они, вечно опаздывают?!

Вскоре появились помощники и закипела работа: стоял грохот кастрюль и заразительный женский смех.

Я никогда на работе матери не бывал и не представлял, что такой сытный труд может быть тяжким.

– Вот так мы работаем! – повторяла мать, забегающая часто в зал, раскрасневшаяся от горячих плит, всё время спрашивая:

– Ну, как ты? – я вальяжно отвечал: «Да ничего, жить можно». В такой же спешке мать накормила меня манной кашей. Подала компот, твердя одно и то же:

– Быстро кушай, иди в скверик и жди меня там!

Всё это напомнило мне: это хорошо, это плохо, надоедливое «можно – нельзя» и постоянные поучительные реплики, от которых я постепенно стал избавляться.

Предупредив мать, я вышел из такого грозного заведения, кстати в весёлом настроении, что удалось подкрепиться, уселся напротив школы и стал наблюдать за сборами учеников, пытаясь отгадать своих одноклассников, с которыми мне предстояло пройти нелёгкий путь зрелости и возмужания.

Первый раз в своей короткой жизни мне захотелось явиться в школу вовремя.

А здесь как назло мать задерживается, уже построение линейки, а её всё нет и нет!

Я стал раздражённо ходить по аллее, выглядывая её. Смотрю, она бежит напрямик между деревьев. Среди деревьев развевается её платье, а шёлковая шаль вот-вот зацепится за ветку какого-нибудь дерева. Она хватает меня за руку, и мы вбегаем в школьный двор.

Я безумно первый раз в жизни обрадовался, что не опоздал в школу. Пристроившись во втором ряду на последнем месте, так и простоял, как сиротинушка, всю линейку никем не замеченный, без лишних слов и взглядов. Когда все разбрелись по классам, я оказался по привычке на последней парте. И здесь классный руководитель, она же преподаватель литературы и русского языка объявила:

– У нас новенький, давайте знакомиться!

Все развернулись в мою сторону и стали снисходительно меня рассматривать, как бы оценивая – что за гусь лапчатый!

Русачка назвала моё имя и фамилию, при этом подчеркнув мои успехи за предыдущие годы учёбы, обескуражив меня окончательно тем, что всё знает обо мне со слов бывшего моего классного руководителя. В заключение своей речи, не давая мне опомниться, вдруг заявила:

– Теперь у нас в классе горячая смесь такая, что никто нам не позавидует.

Она не только взглядом, но и руками указала на верзилу, сидящего на первой парте в третьем ряду, а потом на меня. Она стала требовать, чтобы Олег Петров убрал с прохода ноги, так как они мешают ей приблизиться ко мне и поговорить более рассудительно о моих знаниях в области литературы.

Олег встал из-за парты и, стоя как клоун скорчил рожу, пропуская возле себя литераторшу.

Приблизившись ко мне, уже в более любезном тоне спросила, что я читал на летних каникулах по школьной программе?

Не заикливаясь на школьной программе, я стал перечислять произведения Толстого, Куприна, Бунина, Ахматовой, Горького, Достоевского, Твардовского, последним упомянул стихи Есенина.

– Молодой человек, начнём со стихов Есенина, что вы нам прочтёте?

«Письмо матери» – вымолвил я, вдыхая нежный аромат духов:

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Только переведя дыхание, я с радостью готов был продолжить дальше читать, как услышал голос Веры Глебовны, такой нежный до слёз, читающий следующий катрен.

Подстраиваясь под её тональность, я продолжил третий катрен. Так по очереди, с какой-то непонятной для меня нежностью мы и закончили вместе последний катрен:

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так зябко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Когда мы закончили читать стих, в классе воцарилась тишина, Вера Глебовна быстро вышла из класса.

Мне показалось, что она отсутствовала в классе вечно.

Я не знал, как себя вести, что делать.

Необъяснимо я почувствовал, как разрывает грудь чувство любви к матери, захотелось и самому бежать к ней. Я ещё не понимал, что в такие минуты хочется благодарить не только Бога, но и родную мать за вечную любовь, подаренную мне.

Сквозь тишину в классе я услышал голос красивой девочки со второй парты в среднем ряду:

– Надо позвать Веру Глебовну, может, ей плохо?!

Она встала из-за парты, всех осмотрела и, увидев одобрительные взгляды своих одноклассников, вышла из класса.

В напряжении прошло несколько минут, я уже стал себя ругать, что дал согласие на такое чтение, как в классе появилась классный руководитель со своей ученицей. И вдруг я неожиданно слышу:

– Владлен, будешь сидеть за одной партой с Людой Меняйленко. Бери портфель, садись за вторую парту.

И здесь я на весь класс и выдал свой репертуар:

– Клёвая чувиха, базара нет, засёк!

Класс весь покотился от смеха, напряжённая обстановка испарилась немедленно.

Усаживаясь за парту, промолвил, чтобы весь класс слышал:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте девочку мою».

После этих стихов класс долго не мог успокоиться. Вера Глебовна и не пыталась успокаивать никого, со всеми заразительно смеялась, в конце урока только попросила зайти в учительскую. Я тревожно посмотрел на Людмилу и услышал одобряющее признание:

– Ты попал в десятку, Есенин – любимый поэт нашей русачки! А если ты пишешь стихи, то пять тебе по литературе обеспечено. Я во спрjal духом, дожидаясь конца уроков!

13. Смерть Сталина

Я заглядываю в учительскую и вижу, как Вера Глебовна с нашей математичкой о чём-то нервно спорят. Увидев меня, русачка показала рукой, чтобы я закрыл дверь. Я почему-то машинально подумал: «может спор обо мне!». И хотя любопытство распирало грудь, узнать о чём такой крупный разговор, но услышав за спиной:

– Чего стоишь, мешаешь только работать!

Я сразу обмяк, и пошёл, переступая чистые места к подоконнику. Техничка, ловко орудуя шваброй, вытирая пыль с паркета, начала канючить.

Я уселся на подоконнике и стал рассматривать, что делается за окном школы. Вижу, как одноклассники, смеясь группами покидают школу. И здесь слышу голос технички:

– Что это ты, не успели учёбу начать, как вызвали тебя на ковёр!

– Я и сам не знаю зачем вызвали, – промолвил я.

В это время распахнулась учительская дверь и Вера Глебовна жестом показала: следуй за мной. Я последовал за ней в первый пустой класс. Она села за учительский стол, а я за парту напротив стола. Я насторожился, настраиваясь на трудный и нудный разговор. В таких случаях, я знал, без нотаций не обходится. Однако, глядя прямо в мои глаза, русачка вдруг по-матерински начала разговор о трудной жизни подростков в послевоенные годы, что и ей не сладко воспитывать одной своего парня, такого же не послушного и взбалмошного, как я! Потом она встала из-за стола и стала нервно ходить по классу. Я почувствовал, что желает поведать мне самое главное, для чего оставила после уроков для личной беседы.

– Владлен, ты попал в школу необычную, кроме её высокого статуса, здесь высокие требования и атмосфера необычайная. С одной стороны, это хорошо, заставляет мобилизовать все силы для учёбы, с другой стороны такую нагрузку не все выдерживают. В нашем классе учатся в основном сильные ученики. Исключение составляет Олег Петров. Держится в школе из-за папаши своего!

Первое и главное, что я хотела сказать, чтобы ты намотал на ус, в нашем классе особые дети, работников Крайкома КПСС и Крайисполкома. Старайся меньше языком молотить, держись от них на расстоянии.

Меньше здесь говори о смерти Сталина и больше думай о своей учебе! И что ты там наговорил в той школе директору? который не выдержал и дал тебе по рукам указкой, а лучше б по твоему языку! Меньше надо сплетни выслушивать из-за рубежа «голос Америки», а читать советские газеты, например, «Комсомольскую правду». Ты вот в комсомол не поступил и поэтому несешь такую чушь. Да вы и сами ничего не знаете говорю я Вере Глебовне, Сталин намеревался произвести очень серьёзные перестановки в верхних эшелонах власти. На съезде были сделаны серьёзные партийные изменения: ВКП (б) переименовано в КПСС, внесены изменения в Устав партии – упразднилось Политбюро ЦК, создавался Президиум ЦК из 25 человек и т. д. После съезда в Советском Союзе пошли слухи о намерениях Сталина устроить очень существенную чистку своего ближайшего окружения и партии в целом. Однако, как говорится, не пришлось...

Давай меньше думать о таких масштабных перестройках в стране, а больше думай об учебе и о своем будущем! Вот я, например, приняла решение посадить тебя с сильной ученицей, она живёт с бабушкой. Папа и мама работают за границей. Людмила согласилась тебе помочь в учёбе.

Я не выдержал стал огрызаться:

– В помощи не нуждаюсь. Сам осилю школьную программу.

Вера Глебовна глянула на меня из-под длинных ресниц и нежно проговорила:

– Это важно, что есть такое рвение, но от помощи не отказывайся! Зря хорохоришься! Да, ты поймёшь меня, молодой человек, когда пойдут серьёзные предметы. У нас школа необычайная, здесь на храпак всё не осилишь, нужна повседневная кропотливая работа каждый день.

Когда один ученик отвечает урок около доски, весь класс в напряжении следит. Учитель в любой момент может прервать отвечающего и вызвать к доске следующего ученика. Не сможешь продолжить мысль – сразу неуд. В любое время на уроках могут присутствовать студенты или преподаватели пединститута. В таких условиях могут учиться только сильные натуры. Ты меня тронул, когда читал стихи Есенина. Читал ты их проникновенно от души.

– Да нет, это вы так читали, а я просто повторял за вами.

– Его стихи изящны, по крайней мере я так думаю... в этом, я думаю, и ты убеждён.

Я кивнул головой, соглашаясь с её мнением.

– Вот видишь, и нашли мы с тобой общий язык.

И только сейчас я стал понимать, что русачка желает мне добра, которого мне не хватает в борьбе с моими слабостями.

Я не заметил, когда она перешла на сплошные вопросы, от которых я только краснел, не зная ответа.

– Почему не поступил в комсомол? Что сейчас читаю? Записался ли в краевую библиотеку? Занимаюсь ли спортом? Какой любимый предмет? С кем живу и где?

Вопросы сыпались, как из рога изобилия. Я не успевал на них основательно отвечать. По моему выражению лица русачка заранее улавливала ответ, не сокрушаясь, она только вежливо делала замечания, когда была несогласная с моим ответом.

Когда она стала говорить возвышенно о комсомоле, вспомнив «Молодую гвардию» Фадеева, Павлика Корчагина из романа Островского «Как закалялась сталь», я стал искренно возражать:

– Мне и без комсомола хорошо, я туда и не собираюсь поступать!

На что услышал страстный ответ:

– Комсомол моя молодость, моя жизнь!

Я невольно замолчал, потому что последние её слова отозвались в душе моей, как дивный хор, составленный из множества ангелов.

Таких высоких и проникновенных слов о комсомоле я ещё ни от кого не слышал. Её восторженность и актёрское мастерство меня покорили и очаровали.

Я настолько был покорён Верой Глебовной, что в конце нашей беседы дал согласие на вступление в комсомол и на участие в ежегодной первомайской эстафете по центральной улице Красной. Насчёт эстафеты я был уверен, что не подведу, так как ежедневные пробежки настолько укрепили мой организм, что появилось желание проверить свои силы в более масштабных испытаниях.

В школе было пусто, когда мы её покидали, даже требовательная техничка куда-то испарилась. Мы выходим из школы оба довольные: я как ученик, нашедший общий язык с преподавателем такого важного для меня предмета; и учитель, подобравший ключ к моему сердцу.

– Каково же! – прервала она наше не долгое сладкое молчание, усмехаясь, – недаром молва идёт, что ты хулиган. – Вон Людмила тебя ждёт, на лавочке в скверике.

Я быстро стал оправдываться, так как сам не поверил своим глазам.

Вера Глебовна, чтобы не смущать нас, быстро стала прощаться, приговаривая при этом:

– Подумай серьёзно о вступлении в комсомол!

– Хорошо! – промолвил я, направляясь через улицу в скверик.

Людмила, не дожидаясь, когда я перейду улицу, вскочила с лавочки и побежала ко мне навстречу. Я ускорил шаг, и мы как будто старые друзья взялись за руки и пошли к её дому, беспечно смеясь при каждом слове по поводу и без повода.

Глядя мне в глаза, она вдруг неожиданно заявила:

– Знаешь, у меня такое впечатление, как будто я знаю тебя давно.

Не сговариваясь, вдруг свернули к парку, где я на первые в своей жизни заработанные деньги в тире купил нам мороженое. Мы долго катались на каруселях – до головокружения. Мне с ней было легко, не принуждённо, я почему-то сравнивал её всё время с Маринкой: у Людмилы, как и у Маринки были соединены воедино красота земная с небесной, доброта, ум и чистота.

Уже выходя вечером из парка, я и Людмила вспомнили, что не предупредили домочадцев о своей задержке. Мы как-то незаметно заторопились домой, сокрушаясь, что время так быстро пролетело, что даже рассудок не успел понять его значимость. Провожая Людмилу домой, я всё время пытался заглянуть в её глаза и каждый раз ловил вспышку румянца на её лице.

– Знаешь, я волнуюсь, что бабушку не предупредила о своём опоздании!

Невольно её волнение передалось мне. Почему-то в это время я усиленно не хотел, чтобы моё пленение вдруг оборвалось так резко и быстро около её дома.

Я уже знал, что она живёт рядом со школой и парком. Когда бабушка пригласила на чай, я с охотой согласился.

Я вхожу в шикарную трёхкомнатную квартиру, обставленную старинной мебелью. В большой прихожей оставляю портфель.

Людмила проводит меня в ванную, которая от кафеля вся блестит. Я невольно сравниваю нашу комнату и эту шикарную богатую квартиру и ощущаю себя никчемным человеком, просто букашкой.

Когда мы пили чай в большой столовой, мою растерянность уловила бабушка Людмилы, стараясь расспросами поддерживать вялую текучесть разговора. Когда она узнала, что я читаю в настоящее время, она от восторга всплеснула руками и стала говорить, что этот роман Александр Дюма перевёл на французский язык, когда приезжал в Россию.

– «Ледяной дом» Лажечникова один из лучших исторических романов. Им восхищался даже Пушкин. У вас, молодой человек, хороший вкус.

И здесь с гордостью я промолвил:

– Эту книгу мне подарила сестра!

14. Письма из прошлого

Вот уже и четверть кончилась, а я никак не решаюсь написать письмо Маринке. Нет, не потому, что нет желания и мало впечатлений. Наоборот, желаний и мыслей много, но реализовать их в виде письма не могу: то ли от избытка чувств, то ли от скудности мыслей, не способных обрести форму изложения в виде стройных слов и чувственных эмоций. Вроде из груди от всего сердца начинаю писать, но потом, как вспомню про знаки препинания, тревожно становится так, что руки коченеют-не слушаются, мысли все исчезают! Одна пустота кругом. Начинаю перечитывать в какой раз письма Сергея Есенина Галине Бениславской, Антона Чехова своему брату Александру: понимаю, как просто и в то же время красиво, по-домашнему написано. Достигнув какого-то понимания, берусь за ручку, обрывается слог, как будто в тесном пространстве комнаты нахожусь, необходимых слов не могу подобрать. Вечером, уже перед сном, поделился с матерью своими трудностями. Она рассмеялась и промолвила:

– А ты не пиши, коли сердцу невмочь. Все мужчины не любят писать письма. Вон твой батя написал несколько писем, и перестал писать! Понимаю, война, казалось бы, сама обстановка обязывает поделиться с близким человеком тем горем, с которым сталкиваешься ежедневно. Я понимаю, военная цензура, ну хотя бы намёками можно же написать о трудностях, о гнетущих впечатлениях. И возможно, ему легче было бы?!

Мама, не зная, как ещё выразить своё возмущение, что отец мало писал ей писем с фронта, вдруг замолчала, а потом в небывалой тишине предложила мне их прочитать. Стесняясь такого, явно необычного своего желания, зажгла керосиновую лампу посреди ночи и стала искать письма в каких-то коробочках, где хранились её медали и разные военные документы. Она протянула мне тоненький свёрток, аккуратно перемотанные резинкой от трусов и сказала с грустью:

– Читай мой плач и мою тревогу!

Я положил письма под подушку, с надеждой, что найду в этих письмах то, что мне надо! Я хотел остаться с этими письмами один на один, чтобы сердечно почувствовать всю тревогу и переживания любимых мне людей.

На следующий день развернув дорогой мне свёрток писем, стал их читать с жадностью. Читая письма, в хронологическом порядке, перед моими глазами промелькнула вся наша жизнь, которую я стал забывать, а здесь, как на экране в художественном фильме, правда, с поправкой на цензоров, но зато все переживания и эмоции, как на ладони

Отец в письме сокрушался, что отправил нас в тревожное время на малую родину Кубань, кто мог предугадать, что в пути нас застанет эта проклятая война.

Нас высадили на станции Слюдянка (Иркутская область), так как поезд был немедленно зашвартован под мобилизацию. Мать быстро устроилась на работу на Забайкальскую железную дорогу, в передвижную ремонтную бригаду, где нам выделили теплушку с шикарной буржуйкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.